

ОМЕНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

№ 16 АВГУСТ 1967

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОД ОКТЯБРЯ

20. « ПИСЬМА ИЗ ДАЛЕКА »

(1917, март)

Провидения тех социалстов, которые остались верны социализму и не поддались угору дикого зеркала военного настроения, оправдались. Первая революция, пороженная всемирной рабочей войной между капиталистами разных стран, разразилась.

В. И. ЛЕНИН

Ленин в Париже в годы столыпинской реакции и нового подъема рабочего движения в России. Ленин в Кривое... в годы «Правды». Ленин в изгнании первой мировой войны... Обо всем этом мы не сможем рассказать на страницах «Смены», на которых невозможно привести даже избранные автобиографические воспоминания Владимира Ильича обо всем его драматическом революционном пути.

В книге лишь немногие фрагменты которой приведены в кувальде, эти высказывания посвящены пяти главам — «Годы реакции», «Годы подполья», «Почти Россия!», «Социализм и война» и «Против течения».

Отсутки их материалы, мы обратимся в восьмью непосредственно предшествующим месяцам жизни и деятельности Ленина. марту — октябрю 1917 года...

Наступает март 1917 года. Крупская вспоминает однажды, когда Ленин уже собрался после обеда уходить в библиотеку, в их комнату ворвался польский эмигрант Бронский.

О чем вы мне знаете? — крикнул он. — В России революция!

И он рассказывал нам, — пишет Надежда Константиновна, — что было в вышедших австрийских выпусках телеграммах... Поплыл ко берегу под навесом вышенаписанное все газеты только раз в России действительно была революция. Условно зарыбачила мысль Ильича.

О победе Октябрьской революции Ленин узнает 2(15) марта. В тот же день он пишет Елизавету Армиде.

Мы сегодня в Цюрихе в ожидании от Ш.И.И. есть телеграмма в «Zürcher Post» («Цюрихской Почте») и в «Neue Zürcher Zeitung» («Новой Цюрихской Газете»), что в России 14(11) победила а революция в Питере после 3-х дневной борьбы... что Россия была последние дни и а н а м у н е революция, это несомненно.

Я в не себе, что не могу писать в Скандинавии! Не прошу себе, что не рискнул ехать в 1915 году!...

Наконец Ленин отправляет в Стокгольм письмо Колландеру.

— Сейчас получили вторые правительственные телеграммы о революции (14(16)) в Питере. Неделя кровавых битв рабочих и Ильяшова - Гучнов - Не-

ренский у власти! По «старому» европейскому шаблону... Ну, что же! Это «первый этап первой (из порождаемых войной) революцией» не будет ни последним, ни только русским... Все наши лозунги, — в последнем М «Социал-Демократа» мы говорили прямо о возможности правительства «Миллюова с Гучновым, если не Миллюова с Керенским», Озаказав. И — М: все три вместе. Премьер... Главное теперь — печать, организация рабочих в «революционную (социал-)демократическую» партию, — мы создали по-прежнему С В Ю особую партию и обязателен сокращение легитимную работу с металлом.

Ссылаясь на последний номер «Социал-Демократа», Владимир Ильич имеет в виду свою статью «Поворот в мировой политике» в виде своего выступления в преддверии, что немецкому империализму «вскоре придется, иметь дело с правительством Миллюова и Гучнова, если не Миллюова и Керенского...». Тогда же Ленин, по воспоминаниям Илья Цихаян, посылает ему в Берн отрывок:

— Я укаждаю чехолами, а вы что делаете, тов. Михал?

«Самые

невероятные планы»

Между 2 и 6 марта Ленин обращается к Якову Ганецкому. Последний вспоминает, как в Стокгольм приходит телеграмма Владимира Ильича с сообщением, что, насколько известно письмом, полученное которого он просит подтвердить по телеграфу. Дня через три Ганецкий получает по почте письмо из Швейцарии и догадывается, что и переплетается — ленинское письмо. В нем было написано приблизительно следующее:

— Иметь больше нельзя, тыщтыны вы издедыи на легальный приезд. Необходимо во что бы то ни стало немедленно выехать в Россию, и единственный лаяк — следующее: найдите шведка, покоего на меня. Но я не знаю шведского языка, поэтому шведка должен быть гучновским...

Крупная пишет:

— Надо ехать немедленно, легальных путей нет. Но как Сой прошил у Ильича с того момента, когда пришел вести о революции, и вот по ночам шведка вызовут меньше всего подозрений. Паспорт шведка можно достать через шведских товарищей.

Идет изложение письма. Ильича было написано и подписано. Подорожие и обстоятельства переездаются ленинские планы и обстоятельства. Формально Каринский.

Таких шагов, — отмечает он, — было несколько. Первый — достать авриолан и перелететь через Фризия. Эта предположения полдет швейцарского летчика, для чего не было необходимой суммы.

Технически наилучшее решение было крайне сомнительно: ведь надо было перелететь тыщтыны вест без посадки через высочные горы... Второй проект на первый взгляд казался гораздо приемлемее: проехать через Германию в Скандинавию. Технически наилучшее решение было крайне сомнительно: ведь надо было перелететь тыщтыны вест без посадки через высочные горы... Второй проект на первый взгляд казался гораздо приемлемее: проехать через Германию в Скандинавию. Технически наилучшее решение было крайне сомнительно: ведь надо было перелететь тыщтыны вест без посадки через высочные горы... Второй проект на первый взгляд казался гораздо приемлемее: проехать через Германию в Скандинавию.

быть грамотным. А Владимир Ильич пошведски неграмотен. Значит, нужно притвориться еще и слепым! При ближайшем рассмотрении план этот оказался столь же фантастическим, как и первый.

Третий проект конспиративного проезда в Россию Ленин 6 марта разводит в письме тому же Каринскому.

— Я всячески обдумываю способ поездки. Абсолютный секрет — следующее... Возьмите на свои имя бумаги на проезд по Франции и Англию, а я проеду по ним и через Англию (и ГОЛЛАНДИЮ) в Россию.

Я могу одеть ларик.

Фотография будет сита с м е я и уже в париж, и в Берн в консульство Я ляков с Вашими бумагами уже в париж.

Вы тогда должны съехать из Женевы минимум на несколько недель (до телеграммы от меня из Скандинавии); на это время Вы должны позвать архисекретаря в горы...

О неудаче этого на первый взгляд осуществимого плана рассказывает сам Каринский. Он пишет, что швейцарская полиция хорошо знала его и других большевиков:

— Швейцарская полиция сообщила бы французской, что такой-то большевик собирается пересечь границу Франции, и этот товарищ, т. е. Владимир Ильич, либо не получил бы визы, либо был арестован на границе. Пришлось и от этого шага отказаться.

«Я телеграфировал следующее...»

Большевизм, возмущающийся из стран Скандинавии в революционный Россию, Ленин телеграфирует из Цюриха еще 6(19) марта. По этому поводу он вскоре пишет лондонской социал-демократической газете «Volkrecht» («Народное Право»):

— Различные немецкие газеты опубликовали в своем номере 6(19) марта телеграмму, посланную мною в понедельник, 19 марта, в Скандинавию от имени членов нашей партии, отправившихся в Россию и просивших моего совета относительно тактики, которой должна придерживаться социал-демократия.

Я телеграфировал следующее: «Ввиду тактики полные недоверия, никакой поддержки новому правительству; Керенского особенно подвержена всеоружию пролетариата «данного правительства», немедленного выбора в Петроградскую думу... никакого общения с другими партиями. Телеграфируйте это в Петроград».

Я послал эту телеграмму от имени за границей членов Центрального Комитета, а не самого Центрального Комитета.

Провозглашенной тактике Ленин следует неуловимо, высказываясь выступить вместе с меньшевиками Мартыновым на митинге молодых швейцарских рабочих. Когда большевик Харитонов пытается уговорить Ленина изменить решение, он заявляет:

— Видно, меньшевиком это недостаточно хорошо знает. Если я выступлю здесь на одном митинге с меньшевиком Мартыновым, то современные мой речи станут известны в России значительно больше, а с одной стороны нашего совместного выступления с меньшевиком Мартыновым, телеграфировавший в Россию, а там Дан и новоязники сумели изобрести идею о шестом объединении большевиков с меньшевиками. Раз Ленин и Мартынов объединятся за границей, то нам в Скандинавии следует объединиться.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Год издания сорон четвертый
Выходит два раза в месяц

16
АВГУСТ
1967

В. Пескири и пассажиры принимают на себя обязанности персонала и в частном порядке добиваются у рабочего класса выполнения пункта 7.

Таковы были ленинские условия проезда.

«В Цюрихе перед отъездом...»

На Цюрихе в Берн Владимир Ильич уезжает 24 марта. Крупица вспоминает:

— Пришло письмо из Берна... Переговоры Платенца привели к благоприятному решению. Надо только подписать протокол и можно уже двигаться в Германию. Ильич моментально сообразил:

— Поедем с первым поездом! Поезда остались два часа. За это время надо было индентризовать все «хозяйство». Распакуется с хозяйкой. Отнести книги в библиотеку. Уложить багаж.

— Поездный билет, я приведу завтра.

Но Владимир Ильич настаивал:

— Нет, едем вместе... За два часа все было сделано: уложены книги, уничтожены письма. Отобранны необходимые вещи и документы. Мы с женой и Владимир Ильич совсем разбирает свой архив, сопровождая его новостями, папками и тетрадками тайным надписями:

— Дореволюционный и начало революции... (Забраженный и в России) литературный материал, записки.

— К истории новейшего (1915—6) социализма (особенно швейцарского).

— Разные (большей частью старые) литературные материалы.

Старые материалы до революции 1917

— В архиве (интересное)...

— Это тетрадка 1917 года в Цюрихе перед отъездом в Россию.

Но вот все собрано, уложено, уложено. Ленин подписывает с швейцарской стороны. Как мером. Повсюду они так переиздавать немецкому журналу Эгон Эрнсту Киншу последний день в Берне и Владимир Ильич:

— Надо надеяться, что в России нам не придется много работать, как здесь, господи Ульянов!

— Я думаю, господи Каннерер, нам придется работать в Петербурге еще больше!

— Ну, ну, больше, чем здесь, вы так или иначе не сумеете писать. Изучите ли вы так сразу книгу? Ведь там факторы, сейчас издатели кричат!

— Коммуна? То в голову в любом случае... только и не знаю, будет ли она такой же тихой, как вышло...

Швейцарский публицист Морис Пинаuolo воспроизводит еще одно ленинское высказывание того дня. На вокзале Ленин окружен швейцарские друзья. Заگیرد Ленно говорит:

— Надеемся вскоре вновь вас увидеть среди нас, товарищи!

— Это было бы мексиканский политический призыв... отвечал Ленин, улыбаясь.

В 15 часов 10 минут поезд тронулся. Цюрихский вокзал... кричит Пинаuolo... — остался позади.

Поезд остался не только швейцарский вокзал. Позади оставались почти десятилетия жизни эмиграции теперь уже последние ее летчики Ленинского государственного устройства:

В предвидении писем о задаче революционно-пролетариата в России в настоящий момент были начлены следующим образом: (1) sofort поехать наиболее вперед в следующую ступень революции или по которой революции, которую мы должны передать государственную власть в руки правительства помещиков и капиталистов на чужбине; (2) в Берне (или, в крайнем случае, в Берне) правительства рабочих и беднейших крестьян.

(3) Это последнее правительство должно организовать по типу Советов рабочих и крестьянских депутатов, именно (4) оно должно разбить, совершенно уставшим старую и обложившую нас всеми буржуазными государствами государственную машину, армию, полицию, бюрократию (чиновничество).

Важно отметить (5) не только массовую, но и поголовно-всеобщий организации вооруженного народа (6) То же самое правительство должно по своему классовому составу («революционно-демократическое», «рабочее», «крестьянское» и «мелкобуржуазное») и по своим органам управления («пролетарская милиция») в состоянии и успешно решить чрезвычайно важную и чрезвычайно неотложную задачу в это время, именно, добиться соглашения между империалистскими державами о дележке награбленной капиталистами и их правитель-

ствами добычи, а действительно прочного и демократического мира, который не достигнем без пролетарского революции (7) в России (8) победа пролетариата осуществится в ближайшем будущем (9) и при условии, что первым шагом ее будет подавление в России революционным крестьянства в борьбе его за национализацию всего помещичьего земельного и национализацию всей земли... (10) В связи с такой крестьянской революцией и на основе ее возможны и необходимы дальнейший в союз с беднейшей частью крестьянства, шаг, направленный на ликвидацию монополии и распределение важнейших продуктов, и введение «всеобщей трудовой повинности» и т. д.

Такое, впрочем, намеченная нами программа, основанная на учете массового сознания и классовой революции, а также на опыте 1871 и 1905 годов.

Крупица говорит, что в Цюрихе из далекого особенно ярко отразилось то, чем думал Владимир Ильич перед отъездом из Швейцарии.

— Когда сейчас, много лет спустя, перечитываю это письмо Ильича, так и излетает из моих везд глазами: с одной стороны, необычайная зрелость мысли, ясное осознание необходимости непростой вооруженной борьбы, но, главным образом, в тот момент интуитивное понимание, интуитивное и инстинктивное осознание широкой массовой задачи, а именно: и их комплексивное и всеобъемлющее улучшение их положения. Обо всем этом много говорил Ильич зимой 1916—1917 года, особенно последнее время перед Февральской революцией.

«Удостоверю своей подписью»

26 марта Ленин вместе с Крупицей возвращается из Берна в Цюрихе. Он пишет заметки о письмах, которые едут в Россию через Германию. Первым подписывает заявление о личной политической ответственности за допущенное.

— Я нигдеподписываясь, удостоверяю своей подписью:

1. Что условия, установленные Платенцем с германским посольством, мне объявлены;

2. Что я подписался распрямленным рукописанием Платенца;

3. Что мне сообщено известие из «Reit Ragaz», согласно которому русский Временный правительство угрожает преследованиями в государственной измене тех русских подданных, кои продадут себя Германия;

4. Что всю политическую ответственность за мою поезду я принимаю на себя;

— Иль Платенцом мне гарантирована поездка только до Стопгольма.

Вот две первых подписей под документом, несомненно, сложившимся в кабинете Владимира Ильича.

— Ленин

За эти же два часа Владимир Ильич встречается с князем Цюрихской сенции болоньезини Хартгофом. Она вспоминает, что в последний день пребывания в Цюрихе Ленин вручает ей сувенирную книжечку с остатком вклада в 5 франков 5 сантимов и просит принять их в уплату апрельских членских взносов за него и Надежду Константиновну.

— Простите, что обременяю вас этим поручением, но не хватало времени сделать это самому... говорит Владимир Ильич.

Хартгофово опломбован. В такой момент Ленин получил от Уланде чек на сумму в 5 франков 5 сантимов и встал в ожидании отъезжающих и не вспомнил об этом. Да и он не запомнил, считая, что еще в апреле они были в Петербурге. Записки на сувенирной книжечке от 15 декабря 1916 года гласят:

Фамилия: Владимир Ульянов. Год рождения: 1870. Профессия: Академик и журналист. Место рождения: Симбирск, Россия. Место жительства: Цюрих I, Шингелла 14.

Из Цюриха на родину Ленин выезжает 27 марта. Среди провожающих — Луначарский. Он вспоминает:

— Ленин ехал спокойный и радостный. И когда я смотрел на него, улыбающегося на площадке отходящего поезда, и чувствовал, что он внутренне поет такой мыслью: «Наконец, наконец пришло то, чего мы ждем так давно и чего все наша жизнь была только подготовительной и неважно-отводной».

— Какое смелое предположение, что Ленин именно так и думал. Луначарский знал это лучше, чем кто бы то ни было иной на пути отъезда Владимира Ильича.

Три дня — вплоть до 30 марта — едет Ленин вместе со своим спутниками через Германию к порту Зальца. Выразительное ленинское высказывание тех дней гласит: «Безопаснее всего готовиться к Мухомору Гоберману, возвращившемуся на родину вместе со Владимиром Ильичем. Он знает, что когда в этот шаг разглаголюет о том, нам будет реагировать на него, а Владимир Ильич будет реагировать на него». И действительно, Ленин сказал:

— Нам это меньше всего должно интересовать. Мы должны делать свое дело, революционеры. Что же касается обороне, то они все равно займутся бы нас гильдеб, да еще в Европе, и через Англию.

— Последней эмиграции еще продолжалась. Но уже по-прежнему. На пути к России...

Продолжение следует.

«В субботу мы, члены и члены Делегации Сортировочной, собрались в числе 15 человек (13 коммунистов и 2 коммунистки...»

«... в 8 часов вечера явились у мастера работу. Работать беспрепятственно до 6 часов утра (10 часов) и отработали лимита за №16 358, 504 и 7074. Работа шла дружно, собралась так, нам никогда прежде. В 8 часов утра мы собрались в служебном вагоне, где, отдохнув, стали обсуждать текущий момент и решили нашу ночную работу — продолжать немедленно до полной победы над Нолчаем».

«Этот реальный документ... отчета о проведении первого субботника на станции Москва-Сортировочная 12 апреля 1919 года».

«... в 1919 году был невероятной суровым. Страна со всех сторон блокирована интервентами».

«... Вышло, посмотришь на надписи: «Мы коммунисты, но враги, только девять губерн в руках Советской республики»».

«... Единодушным решением, председателем выбрали тов. Эдуарда, участником первого субботника...».

«... В этот день мы добыли металл, дров, угля, хлеб».

«... Тогда появились плакаты, его много, наивно, почитая от завода и фронту».

«... Поезда, идущие из Москвы, да начинаются в мастерских, налитых по рельсам и не хватает на фронт».

«... Ударом штыка... Этот планет точно покажут и изменение дна порта для страны. Весной девятнадцатого года транспорт был в таком состоянии, что правительство, чтобы обеспечить перевозку продовольственных и военных грузов, пошло на исключительные меры — в июне объявила о реквизиции и строго ограничила пассажирское движение».

«3 апреля в Доме Советов состоялось чрезвычайное заседание Коммунистической фракции. Выступил Ленин. Рабочие, говорит Владимир Ильич, на наши плечи возложена тяжелая задача: стоять вопрос: чем они могут помочь транспорту?»

«... В день Моего Сортировочной на six пер работала...»

«... выписка из протокола № 15 от 6 апреля 1919 года. Мелендорфаме, объявляя нам использовать день бывшего железнодорожного движения для восстановления транспорта».

«... ИРСУСТВА...»

«... членов партии и 3 коммунистических».

«... Цели: О «благословенных»».

«... ПОСТАНОВИЛИ: Ввиду того, что производительность железнодорожного транспорта ввиду усложнения перевозок, мы, коммунисты, должны произвести «благословенные», но т. к. членов больше, чем в количестве 20 человек (остальных не успели оповестить) за первую часть на субботу 12 апреля в 7 часов вечера до 6 часов утра».

«... Так гордится «влиятельный»».

Каждый рабочий субботник превращался в праздник.

Распространились субботники очень быстро. Уже 10 мая был проведен первый массовый коммунистический субботник на Московско-Казанской железной дороге, 17 мая — на Александровской, 24 мая в почти исключительно уже все железные дороги московского уезда. Прошли субботники в Петрограде, Калуге, Туле. Работали уже не только коммунисты и не только на транспорте. Везде, где нужна была срочная, ударная, массовая работа, проводились субботники, и уже через год IX съезд партии принял решение отметить 1 Мая 1920 года, приходящийся на субботу, грандиозным Всероссийским субботником.

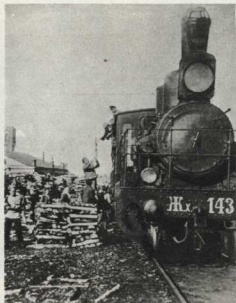

«Наша борьба на военном фронте почти закончена, наша борьба на хозяйственном фронте только начинается, и первый международный праздник после нашей победы мы посвящаем великому всеобщему общественному труду».

В этот день по всей стране работали миллионы людей.

В одной из газет «Первомайской Субботник» Ленин писал:

«Мы начали ковать и разрушать самые законченные предрассудки, самые твердые, вековые, закорузлые привычки. Наши субботники за один год сделали громадный шаг вперед... Мы будем годы и десятилетия работать над применением субботников, их развитием, распространением, улучшением, внедрением в жизнь. Мы придем к победе коммунистического труда!»

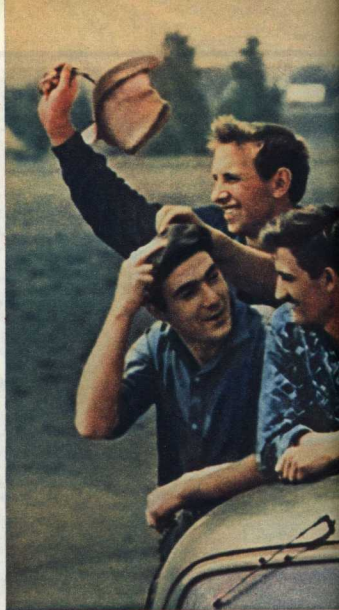
1 Мая 1920 года Александровский (ныне Белорусский) вокзал Москвы стал одним из центров Всероссийского субботника.

Фото А. ШАЙХЕТА и из Центрального архива кинофотофонодокументов СССР.

В тот же день сотни москвичей расчищали площади Кремля.

НАД КУРСКИМИ СЕЛАМИ
ЛОВЯТ ВЕТЕР АЛЫЕ ФЛАГИ СТУДЕНЧЕСКИХ СТРОЕК.
ПОДВИГИ ОТЦОВ-СОЛДАТ,
ОТСТОЯВШИХ ЭТУ ЗЕМЛЮ,
ПРОДОЛЖАЮТСЯ
В ПЕРВЫХ ТРУДОВЫХ ДЕЛАХ СЫНОВЕЙ.
ВЕРНОСТИ СЛАВНЫМ ТРАДИЦИЯМ
КЛЯЛИСЬ УЧАСТНИКИ
III СЛЕТА
ВСЕСОЮЗНОГО ПОХОДА МОЛОДЕЖИ ПО МЕСТАМ
РЕВОЛЮЦИОННОЙ,
БОЕВОЙ
И ТРУДОВОЙ СЛАВЫ
СОВЕТСКОГО НАРОДА,
ПОСВЯЩЕННОГО 50-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ.

КУРСКИЕ „СПУТНИКИ“

Дать работу!

«УДАРНАЯ ЗАДАЧА ВСЕГО КОМСОМОЛА — КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫЕ СТРОИТЕЛЬСТВО, ДАЛЬНЕЙШИЙ ПОДЪЕМ КУЛЬТУРНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ НА СЕЛЕ».

(Из Резолюции XV СЪЕЗДА ВЛКСМ)

П. ПРЕНИН Фото М. МУРАЗОВА

И каменщики, и плотники, и штукатуры...

Радиостановка для «Спутника».

Сруда кирпичи и густерь. Прораб из «Обменколхозстройа» сделал разметку под фундамент. Сказал: — На два дня работы вам хватит. Копайте. — И уехал.

Следующим утром послали за ним ГОСТА.

— Что дальше делать, товарищ прораб?

— Да вы что, черти, не спали?

Тан они начали. Случалось, разламывали и заново илали стены, опилт ломали и снова возводили, потом воввали с неподатливым деревом, осмамали глины и топоры, осваивали как бы самих себя, проверяя границы собственных возможностей, подражая бызальным прорабам из «Обменколхозстройа» невидянными темпами. Первый студеческий «Спутник» был построен за два месяца вместо четырех, предусмотренных нормами.

— Это же будильни, а не бригадир, — сетует Юра Гололобов. — Нет, парни, ай-богу, давайте снимем шефу на палатку, поставим ее за рекой, пока он доберет — отоспимся. Слышншь, шеф? Мы тебя изолуруем.

Но голос бригадиря непоколебим:

— Подъем, подъем!

Это осваиват не хуже ванны в обмелевшей, илстой Туснари. Утренний ветер хлопает тяжилым от росы флагом над белыми ребрами будущей крыши, над стенами из силикатного кирпича, над тихими домами деревни Улово. Ребята осатривают забетонированную вчера танцплощадку — пароботали каплитально! Да и не только вчера. «Спутник» почти готов. Складут раньше двадцать пятого. И каждый из двенадцати невольно огладевает все здание целиком, каждый видит свою долю в общей работе, такой трудной вначале... Потом с каждым рядом кирпичи ложилнсь тверде, увереннее: складывалась уменн. И вот он стоит, «Спутник», почти завершенный, их, от первого кирпича до победного флага.

И уже бригадир, шеф, Юля Гололопова распределит обязанности. А в трех транзисторах бьют ирремлесные курнати: шесть часов утра!

— Значит, так... Комиссар, Гарик, Вася и Маринэ — на кладку кирпича. Володя, ты, Иван, — раствор. Остальные — в цехоу, подавать наверх кирпичи.

Внизу, у ичи кирпичей, насмешливый Слава Ушаков все азвнчивает и азвнчивает темп. Для него, бегун-старшар, самое привлекательное в этой работе — спортивный азарт. Легко представить, как на долгой беговой дорожке он давит и давит сопернику все возрастающим темпом, и отрывается, и уходит вперед... И уже прерывает на поуслосве спор о психологическом культурнизме его соседа по цехочке Юра Саукин — тут не до спора, тут только держись, и он деринтся и даже выкирнывает время от времени: «Давай, давай!» Спокойно и точно ра-

ботает молчаливый Коля Халин, быстры движения бригадира, и кажется, что каждый раз у него остаются в запасе какие-то доли секунды, и вообще для него, ценщика, владеющего всеми строительными специальностями, выстроившего в прошлом году «Спутник» в молхозе «Победа» Суджанского района, эта работа проста и обыкновенна. Я работаю вместе с ребятами.

Через полчаса с меня начинает градом лить пот, а мускулисто тело бригадира все так же сухо, словно и нет этого тепла, этого палящего солнца. Все так же точны его движения, он что-то насчитывает, оглаживается по сторонам, а у меня уже рабь в глазах, и летящие кирпичи представляются сплошной красной лентой.

Паркур! — наконец провозглашает он, и я распрямляю спину.

Ничего, нормально! — смеется Коля. — Отдохни пока. — А сам подхватывает поданное снизу Володей Асмоловым ведро с раствором, несет его своему узкому Коле Агарнову (для краткости — Гарику), тоже участнику целинного строительства.

И Гарина отличает это небрежное изщество мастера на все руки, присущее бригадиру. А рядом с ним идет колачу «первогодок», «юмиссар» — юмсорг бригады Толя Сикте, сугубо интеллигентного вида парень, «человек науки», как любовно называют его ребята, человек невероятного упорства и дотошности. Он быстрее всех новичков (а их в бригаде из двенадцати девяти) овладел секретами колачи, и эти его качества внесли с первого дня в работу бригады дух соревнования друг с другом, соревнования с самим собой. Необходимым okazaлось умение и выносливость Володи Асмолова, задритость Ивана Алухтина, спойносте и ироничность Юры Гололобова, азарт Славы Ушаева — опыт и мастерство «ветеранов», горничность новичков. Это и есть студенческая юмсомольско-молодежная бригада Курского сельскохозяйственного института — двенадцать разных парней, завершающих «Спутник», готовый войти на орбиту культурной жизни села Уюново.

В 1966 году шумели юмсомольские собрания в курских вузах — сельскохозяйственном, педагогическом, медицинском, политехническом, в электромонтажном техникуме. Ревельша об участии студентов в подъеме культуры на селе. Сооруженные спонсированными курскими архитекторами при помощи студентов художественно-графического факультета пендиститута бригады юмбов «Спутник» было объявлено обязательной учебной студенческой стройкой.

Студентам предстояло не только строить — перед ними были поставлены задачи идеино-воспитательной и культурной работы среди сельской молодежи. Каждая бригада — одновременно лекторская группа и агитколлектив. В первый студенческий отряд вошли 32 бригады.

При обходе ВЛКСМ был создан штаб единого студенческого строительного отряда. Приняли устав. В его основу лег Устав ценники. Открылись краткосрочные курсы бригадиров. Означенные их командировались в молхозы для заключения договоров.

Осенью 1966 года взметнулись в небо флаги трудовой славы в честь курских студентов — 32 бригады юмбов распахнули свои двери перед жителями 32 сел. Все юмбы построены досрочно и приняты с оценками «хорошо» и «отлично». Совместно с колхозными работниками в новых юмбах студенты дали первые концерты художественной самодельности. Зимой во все «Спутники» регулярно выезжали студенческие агитбригады с лекциями и концертами.

...В курских прострельных лесах в июле загигают юмбы травой и земляничной оюмью, трамшья, биндажи; вылетают грибами. И замолкают соловьи. 5 июля 1943 года в курских прострельных лесах тишина была предгрозовою, потому что перед ревом орудий она была утверждена приказом по фронту. 3 июля 1967 года тоже молчали соловьи, когда тысячи ребят из курских городов и сел приобщались к славе, гордости и боли своих отцов; в ночь с 5 на 6 июля 1967 года снова гремела Курская дуга.

Играй Ю, это как сказать...

В курских селах стоят обелиски — догрий перечень фамилий. В курских лесах в июле цветет оюмья. Много оюмья. В курских селах мемориальное молчанье соловьев. Кого здесь отлепи пуля? Чьих отцов?

Играй! Почему же плакал седой человек в нителе с насмерть пришитыми и нему орденками? А лица ребят, когда они произносили слова излеть вярности боявой славы отцов?

Над курскими селами ловят ветер алые флаги студенческих строев. На стенах «Спутников» падают тенистые доски с именами строителей-студентов... Все верно. Последний шаг отцов, отцовский эту землю, продолжается в первом трудовом шаге сына.

Сорок одна бригада студентов входит в состав областного строительного студенческого отряда нынешнего года — отряда, примечательного и молодежными бригадам городов и сел области.

Но дню 30-летию Советской власти всего будет построено 500 «Спутников». «Спутник» — красавец, современник — численностью на 130—200 мест, небольшая сiena, гримерная, фойе, библиотека-читальня, пригласила для юмбовой работы летняя тащелюшница. Патисот! Такой юбилейный подарок курской молодежи родной области.

На торжественной открытии «Спутника» в Уюново стоят двенадцать дочерей загорелых парней бригады Коли Гололобова, одна дочка, курто меньшая уклад одного села. Это только небольшая часть курского отряда. Всесоюзного трудового студенческого лета.

— Не пора ли и нам,
братья, на отъезд?

Как едят, так и работа-
ют: никто не учится!

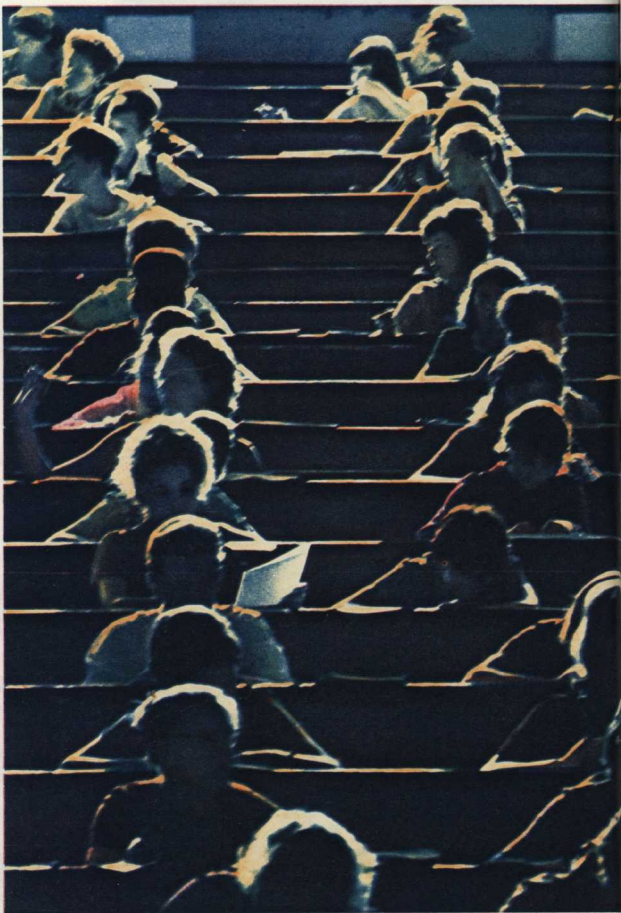

СОЦИОЛОГИ О СТУД

КРУГЛЫЙ СТОЛ «СМЕНЫ»

Подготовка квалифицированных специалистов должна сочетаться с формированием высоких идеалов, коммунистической морали, уважения к правилам социалистического общения.

Из Тезисов ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции».

Геннадий БУРАВКИН

Небо и земля

Ну кто поверит, будто все мы в небе,
что в пекле и для нас кипит смола...
Мы на земле. Под Ржевом и под Навелем.
В земле. И сами мы — уже земля.
Мы по земле позадорно и поротно
шли в рост, ползли и брали рубежи.
И падали на ней, на нашей, кровной,
на в дыму не успевши согреться.
А в разном небе жуковская кружили,
О, если б в небе были мы в тот миг —
мы б купались крыльях ни кружили,
смолой кипищей залили бы их.
Пусть нас бы покാരало божьим гневом,
засмыкала адская смола...
Но мы лежим в земле. В глазницах — небо,
а в изголовье жесткая земля.
Без нас давно состарились новости,
без нас стартуют в космос корабли.
А мы остались на земле. Навечно.
Чтоб вы, живые, по вселенной шли.

Земля содрогнется нелю,
и сад на рассвете вздохнет.
В бездонное синее небо
равняется и мой звездочет...
Я знаю: как сажа, черное,
застынет у самых ног.
Я знаю... А все-таки, может,
за тьмой молочной той —
молочные реки и моря
с рыбною золотой,
и сад, весь в райских ранетах,
и лес, весь гадюк и волпою...
И можно причалить ракету
и жить сто земных веков
в обнимку с солнцем

и с небом,
осыпанным звездной лугой,
над облаками и снегом,
над суетою людской...
Незванный принусь покоя,
в саду голубая трава...
Но нетерпеливо рукою
равну в послушный штурвал.
И сердце звонот тревожно,
когда под гралями крылом
земные озера и покин
раскинутся ярихи ковром.
И степи мне бросятся в ноги
с травой, от пыли седой,

и небо, такое земное,
меня ослепит синевой.
Запахнет жнивец и хлебом,
зачаюют сонно шмели...
Ни дальних созвездий,
ни неба
не надо мне — без Земли.

Месяц — желтая лодка
на волнах облаков.
Пахнет мятою сладко
далеко-далеко.
И в просяках прокосах
бабье лето витает.
Твои теплые росы
я несмелой рукой распыляю.
И с ромашками белыми
вновь влеплето их в русое русло,
и ловлю ошалело
горячие губы и руки,
и целую затылок и локти...
А во всем виноваты
месяц — желтая лодка,
бабье лето и мята.

О реки, реки Беларусь
среди лугов, среди лесов!
Когда ж тятья гимны соберусь
из синих ваших покоев!
Не ради славы мимолетной
[ах, что там критиков басыл],
а ради вашей полновожденной
и истарующей красы.
Как сладко был из вас я в прошлом,
как сиял, что ни говори,
и ваши заводи, и плесы,
излучки ваши, и вьры,
и ласточки и вьры,
и тень на ваших кручах,
и по берегам, чебрец пахучий,
камыш и толчая стрекос...
Мне кажется, перед дружными
не выставте напоказ
лес ни плотни своих,
ни гимнов, ни остальных своих прикрас.
А в вам своей.
Ведь с детства русь в
тятья гимн из ваших повоес...
О реки, реки Беларусь
среди лугов, среди лесов!

Друзья киваю головою,
прощайся с пыльным большаком
и узкой тропкой полевую
слезу в родимый дом — пешком.

Иду среди полей цветущих,
где было крыльям мотыльи,
и не моту глаза и душу
красой забытой уголить.
И хочется, раскинув руку,
нырнуть в разливы высокой реки,
забыть все горести и муки,
и в изголовье положить.
И уж потом — бежать, бежать бы

и родимой хате средь бэрэу
и во дворе оклинуть бацьку
и маму, светую от слез.
И вновь увидеть: возле хаты
копышет собственую тень,
как бацька, тняня и устайи,
слегка спутуленный ячмень.

Идет процесс...

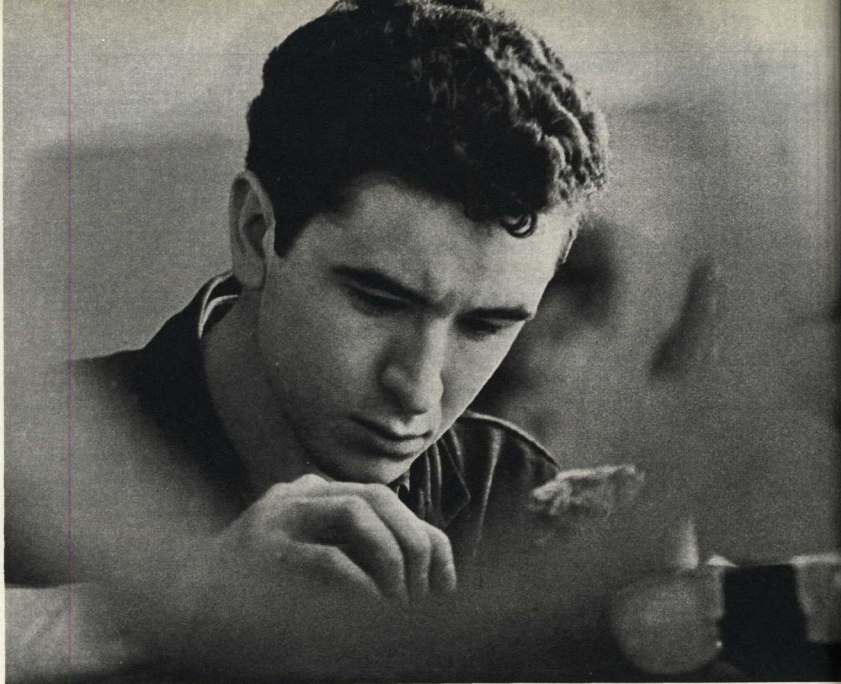
«В ФРГ идет судебный процесс...»
Судят нациста.

С поблажками судят...
А у моего соседа, за стеной,
скрипит протез,
кашель его среди ночи будит.
Судья неспешно ведут допрос,
в судьбы нацистов вынюхают дотошно...
А у моего соседа туберкулез
Концлагерный. Вылечить невозможно.
Нацист здоровуций, веселый, бравый,
точно-точно как и раньше, бравый,
бравый... незанкижные раны
и два солдатских ордена Славы.
Адвокаты угодливо спины гнут.
свидетели догадливо гнутса следом...

Прокруро! В свидетели позвоните войну.
Невозможно войну — позвоните моего соседа.
Он явится. Он не такое выстоял.
Он сканет все. Прямо и честно.
Он выхаринет кровью приговор нацисту
и замаяжится протезом.
Не можете! Бонтесть. Идет процесс.
Судят нациста. С поблажками судят...
А у моего соседа, за стеной,
скрипит протез,
кашель его среди ночи будит.

Перевел с белорусского
Григорий КУРЬНЬВ

ИЗ
НОВЫХ
СТИХОВ

Слесарь московского завода «Красный пролетарий» Михаил ЛОПАЧЕВ:
«К 50-ЛЕТИЮ ОКТЯБРЯ ОБЯЗУЮСЬ...»

МЛАДШИЙ В ДИНАСТИИ

Михаилу Лопачеву 21 год. Он родился в феврале сорок шестого — долгожданный сын, радость после победы в тяжелейшей из войн. Он рос, как винтик его сверстники, не очень сыто, в кривой коммуналки навар. Два года назад прозвенел для него последний звонок. Лопачев на другой же день после торжественного, с цветами и шампанским, вечера отнес свой аттестат, как и думал, на «Красный пролетарий». Мишу направили в инструменталку, на ленинский участок — «службой точности» зовут его на заводе. Все было так же естественно и привычно, как ходить в школу или провешать фотографии в лучшей коммуналки ванной (впрочем, тогда их семья уже переехала в новую отдельную квартиру на улице Телевизионной).

Миша подсчитал: если сложить годы, что отработали Лопачевы на «Красном пролетарии», выйдет «Бромлеев», получится что-то около трех столетий — чем не династия Романовых? Дед еще долго до революции работал у Бромлеев токарем по дереву. Отец писал в книге, посвященной столетию их завода, перенца отечественного станкостроения: «Большинство из нас на заводе знакомилось со своими будущими жёнами, в заводских яслях и детских садах росли наши дети, в подшефных школах набирались они ума-разума... А когда вырастали, шли знакомыми отцовскими дорогами и заводской проходной».

Отец ушел на пенсию старшим механиком. Позди гражданский, отряды ЧОНа, служба на «Мазарате», три с половиной десятка лет в рядах краснопролетарцев. Горичка реконструиции, пилетикти, война: «Скоре дядим стране наш

«ДИП!» — «Поможем фронту — перенероим задание вдвое!».

Лопачевы на заводе ничем особенно не выделялись, на рабочую честь соблюдали ревниво и твердо. Что отец, что дядя Иван, что тетка Татьяна, что их дедка. Давноуровный бодат Игоря телера «мастер золотые руки» — всех победил на конкурсе московских токарей.

В семье Лопачевых любят металл, любят острый индустриальный дух, что ползет от него по пролетам. Любит мастеровать — не просто строгато шабля винтики, а метороплино, с умом азять металл, все почитать и взвешивать. Когда молодые побеге с чужеского древа пробрлись в инженеры и другой ученый люд, многие Лопачевы остались верны станку, считая, что не тамка уж это радость отназаться от власти над металлом и деталью. Без которой не жить уменьшаему на свете станку. Мне кажется, потребуясь институт для обработки какого-нибудь валтика или особо деликатного шпинделя — пойдут и омончат. А за дипломом лезть без привазики, просто чтобы себя показать — это совсем не обязательно.

Спокойность и анализу, чтению, сосредоточенности влечет Мишу и высшему образованию. Но он не оставляет тисочной, пока не оформится призвание. Ему нравится юриспруденция и станкостроение. Я попыталась поддержать юридический вариант. Миша обиделся:

— Дурачек, Станки не очень серьезный институт?

— А не угнетает однообразно? Я виновата на лачку зеркальных линеек, лежавших у тисков.

— Не угнетает, потому что его нет. — Миша подправил последнюю линейку дименориумом мелочком. — Вот линейки заночку, возьмусь за калибр. Оцнерившись линейкой и размерами, на меня смотрел новый измерительный прибор. Слепые, неуловимые заготовки заводоупады поясничивали на углу верстака. Их предстояло довести до аичной точности, наделять зеркальной поверхностью. Просчитался ливализации — и внутренности станка прирут в дисгармонии, чреватую разрушением. Минором, три минором, ну, четыре, такла ошибка еще допустима. Здесь уже нельзя доверять глазам, здесь — смотреть инструментальным микрокоп. Надаром именно лопачевцы выполняли особый заказ — аппарат для операций на сердце. С теми, кто давно работает на лансальном участке, советуются конструкторы.

Миша пришелся здесь — но двору. «Парень отменный, с серьезностью, мыслит», — сказал о нем мастер Борис Петрович Лебедев, пророботавший на лансальном участке чуть меньше, чем Миша живет на свете.

В столе у мастера лежит его обязательство: «И 50-летию Советской власти обязуюсь выполнить план на 110%», осыпать профессия шифрошифика, образцово вести себя на производстве и в быту...» Миша умеет чувствовать глубинный зна-

На этом ланкитнике имени краснопротарца, погибших на полях Отечества войны. Не миновала чаша уграт и семья Лопачевых.

Смена кончилась, но есть еще дела у слесарей: всеела работ на субботнике.

чальный смысл этих слов. Уважением и словом его научил отец.

Лопачев-младший не претендует на оригинальность, не стремится похвастаться. Это не от вялости — от уверенности в себе. Не очень разговорчив, но, если спросить, толково разберется во всем: в кингах, металле, человеческих отношениях. Смотрит всегда прямо в глаза, хотя по природе застенчив.

Этому парню много доверено. Он номоре институтальны и командир группы по борьбе с детской преступностью в оперторладе Онтльбурского района. Я думаю, с позичием амбранной им в жизни. Михаил имеет полное право и руководит нелегальными большими цехом и наставлял разоблачавшихся падант на истинный путь.

50 лет — очень короткий срок для истории. Есть любители парадоксов, склонные утверждать, что человек нисколько не изменился за последние два тысячелетия. Не будем судить вообще. Но некоторые параллели провести можно.

Вспоминает мастер Е. Бананичев, работавший полвека назад у братьев Бромлей: «Унилой черной шли мои юные годы... В нашей темной 10-метровой комнате жили шестеро рабочих. Минута год у станка, второй, шестой. Инито экзаменов на разряд не устанывал, инито мной, ини и проробой, не интересовался. Точит Бананичев валчики, втулки, шаблы — ну и лусть точит. Пошла мне в ту пору 21-й год».

Взгляните теперь на Михаила. Не правда ли, разный?

«Обещая выполнить план на 110%», Цифра неброская, далекая от сенсационности. Но, мне кажется, в этом ее сила: завод работает в корбонном ритме и праздничный подарок добавляет не в штурмовом ритме, а вводи в бой резервы, и в первую очередь — чисто человеческие.

Т. ИЛАТОВСКАЯ
Фото А. ЛЕХМУСА

ет ничего неприятного, чем горю без света, с пронзительным ветром в десятиградусный мороз. В такой день даже в студенческом общежитии нет спасения от угрюмого одиночества. Будь в одной комнате сразу два-три парня, можно было бы потрогаться и своим дыханием поддерживать тепло в радиаторах. Но в нашем общежитии каждую полосу своей кельи, как в монастыре, и только кухня обща. Мороз застал нас врасплох, холодный ветер так и свистел в окна.

Женя принес мне вчера книгу о проблемах экономики. Закупались в одеяло, я читаю ее. Теперь все интересуется экономикой.

Вдурт в коридоре раздается такой грохот, как будто сбьма разорвалась. А что на самом деле там произошло, я не могу предположить, потому мы выскакиваем на постели.

Ну, конечно: Женя! Лузит поварешка по вешуру — да еще как!

Нахонен Женя горю провозглашает:

— Интеллектуальн! Коллективное культмероприятн! Будем пещ блинн! Обор из закуски.

Коридор начинает бурлить. Одни восторженно выражают согласие, другие возмущаются тем, что им помешали, третьи колеблются. Как обычно! Одни человек — одна точка зрения, два человека — две точки зрения, три человека — три точки зрения, четыре человека — и так далее...

Иногда выкристализовывается постановление.

Я возвращаюсь в комнату и оглядываю свои запасы. Пачка маргарина и полпачки сахара — больше ничего у меня нет для блинов. Я беру это с собой.

Кухня у нас довольно удобная. Среди газовых плит, две водопроводные раковины, мусоропровод и посередине — длинный деревянный стол на массивных ножках, с толстой осяевой столешницей. Он уже не первый год выдерживает хозяйничающих студентов.

Женя при виде меня тут же кричит:

— Хо-хо! Кого я вижу! На пороге кухни появился потюмок латышских стрелюк!

Я понимаю, что он имеет в виду. Когда на канikuлы Женя приезжал погостить ко мне в Латвию, и мы, голодуя августом, пелюу очень красивые латышские стрелюк... Такой семейный очаг, обособленность и тем не менее умение вести коллективное хозяйство... Диалектика, Ян Янович. Диалектика!

В кухне рядом с Женей стоит Тарас. Сильный, плотный, улыбающийся. Настоящая Украина. Добродушная глупа. Я никогда не видел его сердатым.

Тарас деринт в руках солидуку кастрюлю и ложку.

— Уже трюе! — радостно вопит Женя.

В нашем общежитии живут представители по меньшей мере тридцати национальностей, так что национальные языки здесь не в чужу. По-русски говорят все. Выговор, конечно, кое у кого хромает. Женя, тот иной раз переходит на английский даже в трюлейбусе. Тегушки, глядя на него, поточнольно или с улыбочкой шепчут:

— Иностраец...

Но тут Женя ляпает что-нибудь сугубо русское. Это производит эффект.

Вот нас в кухне уже трюе. Но по коридору движется еще целая когорта.

На кухню — сущий бедлам. Говорят все, и никто не слушает.

— Товарищи, товарищи! — пытается Женя навести хоть какой-то порядок. — Кого берется развести трюе?

— Янц нег! — кричит один.

— Только, ради бога, без янц! — протестует другой.

— А где молоко? Хотя бы кефир был! А? У кого кефир?

— Ни в коем случае!

— Что — ни в коем случае?

— Молоко!

— Разве это блинн — без молока?

— Янмк проглотнш...

— Обрадова...

— Хотя бы кефир был... Тогда, вроде как на дрожжах, пухлюе, — не сдается Тарас.

— Что, дрожжи?! — вавивается кто-то. — В Швеции и США запрещено пещ хлеб на дрожжах...

— Дезд тебе же...

Нахонен Женя прозвительно свистит — прямо паровоз.

Наступает тишина.

Первым спешит воспользоваться ею Садык.

— Так мы ничего не добьемся, товарищи. Надо выбрать главного.

— Давже блинн пещ — и то главною!

Женя говорит:

— У меня предложение — трюе мы доверим Каису. В конце концов человек, который прочитал всего Дюрренматта, лично беседовал с Сартром и пытался одолеть Кафку и Камю... деужели же такой человек не сумеет заместить трюе для каких-то блинн? Кто против?

Никто.

Безобидный Каис берет кастрюлю и ложку из рук Тараса.

— Да будет так! — говорит он и добавляет что-то по-литовски. Очевидно, что-то выразительное, это звучит лишь на родном языке, и что ни один переводчик не переведет.

— Женя, почему ты сначала спросил: кто «против», а не кто «за»? — слышу и голос Тараса.

— Я предпочел самое трудное: открыто высказаться «против» — тут нужна большая внутренняя убежденность. Ясно?

— Мне не приходилось замечать, чтобы Женя не смог объяснить свои действия или бы растерялся. Может быть, как раз это мне в и нравиться. Тани только поджала свои пухлые губки, значит, ответ был вполне исчерпывающим.

— Тани... Татьяна... Если бы это было в моих силах, я бы дал всем девятьдесят имен Татьяна. Мне кажется, что для русской женщины самое подходящее имя — Татьяна. Такое оно круглое, нежное, как пушок вербы, само скатывается с губ. Татьяна...

Каис уже налил в кастрюлю воду и смелет муку.

— Где молоко?

Онать начинаются советы и пререкания. Каждый хочет поделиться своими познаниями, что-то сделать.

— Раз вы доверили трюе мне, значит, прошу вас успокоиться, — не выдерживает нахонен Каис. — Сначала будем пещ по моему рецепту. Яйца и молоко можно добавить потом.

— Геня! — И Женя вытравляет скоросудку куском гауски. — Принцип преемственности. Последовательность! Вить в трюе молоко и рабать яйцо можно, а вот извлечь оттуда — никогда.

— Чайную ложку соли! — повелевает Каис. Он всегда выглядит самоуверенным, как человек, который сознает свои возможности и свое место в жизни.

— Воды!

— Жидко будет.

— Подсымлем еще муки.

— Да хватит! Кто такую прюву съест?

— Ты...

— Товарищи, победили еще за мукой — жидко!

— А я что говорил?

— Ищите вторюю миску!

Это не диалог — все говорит сразу.

— Мальчики, что здесь происходит? — слышу я роковой голос и резко оборачиваюсь — в дверях стоит Гулусум. Я в жизни видел тысячу глаз, но таких, как у нее, — никогда. Это действительно сверкающие, длажные миналивы, чуть наисосе размещенные под высоким лбом. В мире все можно передать словами, кроме одного — взгляда Гулусум. Теперь мне понятно, почему восточные поэты в своих стихах уделяют столько внимания языку глаз...

Ах, Гулусум, Гулусум! Что ты со мной сделала?

Как сочетать дождливое лето моей родины со знойным дыханием твоего Узбекистана?

Не знаю. Правно, но знаю.

Разве что Гауя и моя синеглазая девушка помогут мне хоть как-то забыть тебя, Гулусум, хоть как-то... А совсем — никогда... Никогда не забуду я твои миндалевые глаза, жемчужные зубы, влюбный смех...

Гулусум останавливается против меня, но я онемел. Другие что-то говорят, смеются, только я ничего не слышу. Со мною это случается. Постепенно я прихожу в себя, во всяком случае, пытаюсь прийти в себя.

— Гулусум, а в Самарканде тоже пекут блинн? — спрашиваю я.

Разумеется, в вопросе нет и намека на остроумие, которым покорила женские сердца, но лучше хоть что-то сказать, чем беспомощно молчать.

— Пекут, — отвечает она, и улыбка показывает ее белые зубы.

— И вкусные?

— Вкуснее самаркандских лепешек ничего на свете нет,— не скрывает она своего мнения на этот счет.— Если ты приедешь...

Женя хлопает меня по плечу:

— Стрелок, не зарывайся! Спорим!

И, нагнувшись к Гулсум, что-то шепчет. Она улыбается. Гулсум почти всегда улыбается.

Как это я не сумел скрыть свое восхищение, свои чувства и когда это заметила другие?

Я и сам не знаю. Хорошо, что меня выручил своим раскатистым смехом Тарас. А смеется он точь-в-точь, как те люди, что когда-то писали письмо самому турецкому султану.

Что это его развеселило?

Всё кузья бурлит и кипит. Я пробирался к окну, желая увидеть, что там происходит, но вижу только широкую спину Тараса и торчащую над всеми головой Яака. Стоялец самый долговязый у нас, чуть не вдвое выше нанайца Удога, который тоже в самой гуще толчен, внимательно смотрит на руки Каизаса, смотрит, как всегда, через щелочки века, как будто находится на своей осветленной снежной равнине. А сам он напоминает сосиску в тушке — с виду хилая, невзрачная, а может быть пятидесятиградусный мороз, пуги и поларную ночь.

Наконец вмешался грузин Шавалидзе — он предлагает Каизасу передохнуть, и, ко всеобщему удивлению, с ним даже не спорит Тевелия. Шавалидзе принимает вонять ложкой жидкое тесто так, что кажется, заработал сепаратор. Вот он, Каизас. Темперамент — не жареный, а сырой.

— Вот как надо... Вот как... Вот как... — почти сердито приговаривает Шавалидзе, и каждый слог у него звучит с таким акцентом, что это просто ласкает слух.

— Они хотят выбитые сливки делать! — вопит кто-то, словно только что очутившись.

Действительно, Шавалидзе и Тарас попеременно бьют и бьют тесто, как будто оно в чех-то провашилось.

Большую сковородку уже несколько раз раскалывают на газу.

И вновь остывают под струей воды.

— Гулсум! Тебе мы доверим маргарин и сковородку! — торжественно оповещает Тевелия. — Ты будешь печь. Блины будут смотреть тебе в глаза и не подгорают.

«Наоборот, подгорит, Гулсум, — мысленно протестую я. — Загадывает блин на тебя, забудется — и подгорит. Даже блин не почувствует. Спорит. И сам не выматерит. Ах, Гулсум, Гулсум! Ты так же красива и проста, как земля. Солнце перед тобой замирает, а луна бледнеет, увидев твой взгляд...»

Незаметно для себя и окружающих я становлюсь восточным человеком, во всяком случае, уподобляюсь ему. Я подхожу к Гулсум. По другой сковородке ее ставит Тарас.

Раскаленная сковородка шипит, как семнадцать змей, когда мы швыряем на нее всю пачку маргарина.

— Ш-ш-ш-ж-ж-ч-ш-ш-с...

Наступает горестная тишина.

— Пропало! — вздыхает наконец Женя. — Пропало!

— Что пропало?

— Все пропало! Подпусти Прибалтику с Украиной к жирам!

— Удога! — Женя подывает представителя Дальнего Севера. — Покажи им, как надо печь.

— Удога?! — изумляемся мы.

— Да, да. Он!

— Я тоже умею печь, — откивается Каизас. — Когда сковородка нагревается, надо только помазать ее свиной шкуркой и тут же — плохо ложку теста, потопышь...

Опять начинается ссора. Кто-то грозит выдрать и принести поваренную книгу. Как всегда, один «за», другие — «против», а кое-кто и «воздержался». Спорится у нас весело. Без истории. Если можно так сказать, спорится им дружно.

А Удога тем временем действует. Растопленный маргарин он сливает в тарелку, вновь разогревает сковородку, смазывает ее бумажкой, быстро окунув ее в маргарин, и еще быстрее наливает ложку теста. Все это Удога делает молча. Это довольно необычно для нашего болтливого века. Я представляю, как здорово было бы съездить с Удога на его родную, поглядеть на дрове или в заре и поговорить. Наверняка я бы много кое-чего узнал. Во всяком случае, такое, что словами не скажешь, что могут выразить только молчание и глубокое радушие.

Удога не смущает, что он очутился в центре внимания. Он легко покачивает сковородку над пламенем, пока блин не начинает скользить по ней. Еще немного подурмявил его, он, и величайшему нашему удивлению, ловко подкинул блин так, что тот перекрутился и упал обратно на сковородку белой стороной вниз.

Послышались восхищенные вопли.

Удога в наших глазах вырос выше Яака.

Теперь им уже не так ждем блин, как той минуты, когда Удога вновь подкинет его.

— Испечем пока что для каждого по блину, а потом все вместе съедим, — авторитетно предложил Женя.

Удога уже печет второй блин. Опять ловкий бросок, опять восторженно «о-го-го», и тут выплывает режиссерское чувство — зависть: а кто еще так умеет?

Сейчас попробуем!

Удога печет и улыбается, а мы сбиваемся вокруг него:

— Я!

— Я!

Все хотят быть первыми. Такова уж человеческая природа. Но ведь это при всех условиях невозможно.

— Становись по росту! — По акценту я слышу, что это Яак. Хитер! Он самый долговязый из нас. Но остальным, оценив улыбку, дружно протестуют, выдвигают новые предложения, но убеждает друга Яаква.

— Авторское право за Яаком. Ничего не поделаешь. Пусть он шлепнет этот блин первым.

Я был рядом с Гулсом. Теперь мне приходится переместиться к длинному столу, а она уходит к короткому.
Яна уже орудует у плиты. Чутько ссутулиться, серьезный-серьезный, как будто все Советский Союз смотрит сейчас на маленькую Эстонию....

Татьяна фыркает, жемчужные зубы Гулсу видны отсюда. Тевелин и Шавалидзе с чисто южным жаром подбадривают Яна. Тарас улыбается, Удога отступает немного в сторону. Поди знай, куда этот Яак шмякнет блин....

Яна подбрасывает блин неожиданно высоко. Сам он длинный, рука длинная, и блин взлетает чуть не к потолку. — Затаян дыхание, мы следим за этим полетом — плох, прямо на скорородку, коричневой поверхностью вверх.

— Bravo!
— Да здравствует Эстония!

— Ура!

Шум такой, что дребезжат оконные стекла.
Ну и что хорошего? Сейчас снизу придет дежурная. Поди объясни ей, что, когда печешь блины, нельзя без крика. Не поверит ведь.

— Второй по росту и.
— Вперед, латышский стрелок! — орет на уха Жени. Да, смятым проваленным отдог всегда приходится тутю. Даже если печешь блины. Сознания это, я перевожу жю и замечую миндальные глаза Гулсум. Это еще больше ослабляет все положение.

Яна, передавая скорородку, тихо поучает:

— Потихоньку, не торопись. Пусть станет коричневыми.

Я сосредоточиваюсь.

Весь мир вокруг исчезает. Осталось только я и еще черная скорородка с белой лепешкой на ней. Скусажа, две, три... десять, пятнадцать... Топ!

Снова звучат восторженные вопли и звенят стекла. Мои слабые предки могут спать спокойно — я пеку блины не хуже Удоги и Яна. Эстафету принимает Шавалидзе, потом Жени, даже галантный Тевелин не отстает. И наконец очередь Татьяны.

Она трясет. Вот-вот готова подбросить блин, но рука со скорородкой опускается, и она жалобно, точно в поисках поддержки, смотрит на нас. А мы подбадриваем: Таян, давай, быстрее, не выдишь, уже горит....

Наконец она подбрасывает — прямо над головой. Жени и последний миг пытается хоть что-то сделать — рынком отгиивает Таяну назад, и блин, скользя мимо ее волос, перед самым носом падает к ее ногам.

— Что я говорила? — как будто вопрошает она и сама же отвечает в наступившей тишине: — Ты меня толкнула!

— Да тебе бы эта лепешка плюхнулась на голову!

Не слушая Женину просьбу передать покосоре скорородку следующему, Татьяна повторяет кухонно-аэробический ритуал. Мы растушевываем. Она сейчас «заведет», потому бросок может получиться еще красивее, чем предыдущий. Она не из тех, кто отступает после первой неудачи. И следующий блин, хотя и не очень уверенно, все-таки переворачивается.

Первые страсти улеглись. Один блин шмякнулся на пол, и с этого момента Шавалидзе еще ни разу не будет виновником. Нам, как всегда, хочется чего-то нового, необычного. Нам хочется всем съест свой блин, и мы от нетерпения сотриваем все двенадцатитазное обжигание. Забыт мороз и пронизывающий ветер, мы не чувствуем, как мечется холодок от окна, мы ходим зигзагами по кухне, как мечающие атомы, перекликаемся и обмениваемся остроумиями, и с каждой минутой в нас все больше и больше нарастает нетерпеливое желание съесть плод своего труда. Наше нетерпение поднимается, как тесто, наливается, как брошенное в теплую землю зерно, у которого только один выход — лопнуть и пустить росток. Конечно, нас ждет не год всего какой деликатес — не минюга на Гауи, не убабский виноград. И все же мы надеемся, как-то предчувствуем, что сейчас мы отдадем что-то необычное, что-то удивительно вкусное.

Жени берет алюминиевую тарелку, полную ароматных и аппетитных блинов, и торжественно поднимает ее. Он взывает к нашей совести, которую мы скорее всего уже утратили, а посему лишились и чувства прекрасного; он призывает нас представить себе иву, где выросли зерна, которые сейчас, до неузнаваемости изменившись, лежат у него на алюминиевой тарелке, и предостерегает нас от вавилонской распылительной земли и меланхолического колосея; он говорит так возвышенно и в таких изысканных выражениях, что мы кинем от смеха.

Блины были горячие. Их нельзя было удерживать двумя пальцами, их нельзя есть, не обжигая губы.
Мы кусали блин с краешка, там, где он покрутывает. Рот наполняется слюной, и мы торопливо кусаем снова.

— Дорогой Удога! Скорей пей! А то я язык проглочу! — молнит Жени. — Пейки жуега.

Откусил кусочек, он продолжает:
Ты видишь, как они все едят! Немелли!

Мы действительно притихли.
Тарас, словно блин трубочкой, ужимает его по-настоящему и крутит головой. Видно, что он доволен.

Маже Клаас, забрав Кафеу и Дюррематта с Сернотом, наслаждается блином.

Садки молвят не спорит, и Тевелан не задират Шавалидзе.
Гулдум еще блин с чисто восточной грацией и уже не убеждает меня, что самарандский десертный яблос виноград «дамские пальчики» все равно самая лучшая еда на свете.

Удога ест и печет.
И дуно на горячий блин, чтобы не обжечь пальцы, и все стараюсь понять, в чем волшебство этой минюги и этих блинов? В воде? В муке? В чьем молоке это молоко, и все равно блины у вас никогда не получаются так же вкусно....

Перевел с латышского
Ю. АБИЗОВ

Мне и моим товаришам выпало большое счастье: мы первые и прозакимы из разных мест нашей страны, из ГДР, из Венгрии, из Польши, из Болгарии, мы ехали в станцию Венескуку к Михаилу Александровичу Шолохову. Самолет шел среди белых облаков. Внизу лежала степь с провалами балок и ериков — холмистая, размытая....

Самолет приземлился на раздолном ковыльном поле. Мы шли, дурась от света, и вдруг увидели Дону, нарядную станцию. И на крутом берегу — белый, под зеленой крышею дом.

Мы ждали Михаила Александровича Шолохова, и все равно его появление было неожиданным. Выстрелы шапки, цепкий взгляд чуть прищуренных глаз....

Мы только что собрались в большом светлом зале. Улыбавсь, Михаил Александрович сказал, что, как ни просторен этот зал, все-таки лучше начать разговор среди степного приволья, на берегу тихого Дона.

Пригнорозенный пылью «газик» катился по широкому шляху. За рулем, дурась от жгучего света, сидел Юрий Тагарин, а рядом с Тагариним сидела — Михаил Александрович Шолохов. Наш огромный автобус еда поспевал за быстрой легковушкой....

Вдруг «газик» резко затормозил. По-маленькому повернул Шолохов, прыгнул наземь, пошел напрямик по полю....

Мы двинулись следом. Голова закружилась от дымного степного ветра. Шолохова травя, над полями мы колмамы стояли горлозистого

то света. Неожиданно открыли Дон, внизу, под круглым стоерымым обрыком, светились раздолный плес.

Я узнал степь, узнал Дон, кто был в этих местах впервые. Все было таким, каким я представлял себе, читая Шолохова. Рядом со мной шел молодой поэт из Болгарии. Он наклонился, сорвал пучок душистого чебреца, березно похлопал в такую кинту чирок. Остановился, оглядываясь....

— На такой земле не мог не родиться огромный писатель! — сказал он раздумчиво....
Большой разговор начался на вестере Еланском, на берегу Дона, в историческом тихом лесу. На костре пошла рыбачья уха, на поляне жгли теплы расстеленные холсты....

М. окружил Михаил Александрович Шолохова, слушали, боаясь пропустить хоть слово. Просто и открыт Михаил Александрович рассказывал о своих первых шагах в литературе, о том, как писался «Лиза Дюна» и «Поднятая целина», о седьмидневных заботах и раздумьях....
А вечером мы слова были в Венескуке. На просторной площадке негде было упасть....

Михаил Александрович говорил прищепленное слово. Выступая первым секретарь ЦК ВЛКСМ Сергей Павлов, лезчик-космонавт Ю. А. Гагарин. Площадь звонко зовило ры плеснет....

Настает и наш черед.... Это мы бы знаменит: мы слушаем Шолохова Павловича читать свои стихи Ларисе Васильеве, звонозвонно звучит в нас Владимира Фирсова, выступаю Ольга Сулейменова, молодой болтский поэт Георгий Константинов.

Я волновался все больше.... Ст. их, которые я решил прочесть, я

УРОКИ ШОЛХОВА

дидись здесь, в Венешкей, и по-сиди у них Михаилу Александровичу...

*И кажется, ехать небыло:
Поднялся и сел самолет...
А вспыхнет аэлаучина Дона,
И твое сердце задрет.
У плесов времечки и синих
Мы в вечном и добром долгу.
Не тут ли Грозный с Ахисией
Стоял на другом берегу...
Не верите — вешнице спросим...
Ничто не пропало зазря,
Ни пестрь казико на покосе,
Ни мудрой прищур Шурара...
В елауку талоду Дону.
К степам, где белы ковыли,
Приходит с лубиной покосом
Писатели нашей земли.
Наш флаг — победительный,
Амь — амы — амы —
Гораче змята атак
Несет человек небывалый —
Донской работага-казан...*

До поздней ночи продолжалось гулянье. Спать не хотелось, какой уют тут сон! Вместе с товарищами долго сидел на берегу Дона, на опрокинутой немолемой лодке. Слушали плеск донской воды, ночные птвичьи голоса. Молчали. И, наверное, каждый думал о самом дорогом...

Наутро мы собрались в таком многоконом зале. Окна были распахнуты в сад. Вошел белоглавый человек, и зал, будто солнце осветился... Тенистая утвердилась тьма, всякая блуждала в школе во время трудного экзамена. Мы волновались, рассказывали обичливо, торопливо. Шолохов слушал, не перебивая, с чуткостью опытного учителя... Потом он заговорил. Голос его был негромким, склад речи ярок и строг.

«Когда я был молодым, — сказал Михаил Александрович, — у нас была хорошая традиция. Мы собирались группой, люди разных профессий, не только писатели. Были инженеры, военные работники. Мы просиживали вечера. Поэмы, и читая первые главы «Поднятой целины». Дружеская критика помогла мне избежать некоторых оплошностей... Почему бы не воскресить эту добрую традицию? Почему бы не зачитывать свои произведения людям, близким по духу?»

Разговор был продолжен в доме у Михаила Александровича, за чашкой кофе, на которую пригласила нас Мария Петровна Шолохова. А потом Михаил Александрович пошел нас в самые дорогие его сердцу места: на хутор Кружжянский, в станицу Каргинскую, где рядом с

огромной красоккирпичной школой (на ее строительстве М. А. Шолохов отдал свои большие личные денежные средства) причесана в зеленые деревянные, совсем небольшие, та, в которой учился будущий писатель...

На хуторе Кружжяльском мы увидели простор, крытый чананом дом. В этом доме родился Михаил Александрович Шолохов. С волнением переступил высокий порог каждый из нас. Мы увидели людей, среди которых жил и рос великий писатель и которые дали ему такие слова, такие краски, такие образы для его бессмертных произведений. Веседа затянута надолго, и столько мы узнали, услышали!

Для нас, молодых литераторов, был особенно интересным рассказ Михаила Александровича о трудностях в работе над романом «Они сражались за Родину». Одной из задач нашей литературы Шолохов считает

воспитание мужества и советского патриотизма, верности долгу. Тема солдатского подвига, говорит писатель, должна стать одной из ведущих.

Мы помним, сколько сил отдал работе с молодыми Горький, сколько замечательных писателей вышло из-под его крылом. По инициативе Горького открыт был Литературный институт — первый в мире институт молодых писателей... Многие ныне известные литераторы среднего поколения — его выпускники. Мы с интересом слушали речь Михаила Александровича Шолохова на 4-м съезде писателей. Он затронул один из самых больших вопросов в нашей литературе: о молодых. Как-то так случилось, что самое младшее поколение наших писателей оказалось в положении ребенка, с которым не занимают.

Мы знаем, как много работает Михаил Александрович Шолохов в

литературе, мы знаем, сколько у него государственных, общественных дел. Секретариат Союза писателей СССР поручил Шолохову вместе с Вадимом Кожевниковым, Леонидом Леоновым и Борисом Полевым работу с молодыми.

У нас, молодых, появились новые учителя, да еще какие!

И навсегда останутся в моей памяти слова Михаила Александровича:

«Ошибаются и старые писатели, потому что иногда сам не видишь своих оплошностей. Можно ошибиться бригадир, поправит председатель колхоза, а если ошибется писатель, то эта ошибка может повлечь за собой тысячи ошибок в судьбах людей...»

Нам, молодым писателям, открыта широкая дорога. Она далека и трудна. На наши плечи ложится небывалая ответственность. Но в нас верит Шолохов...

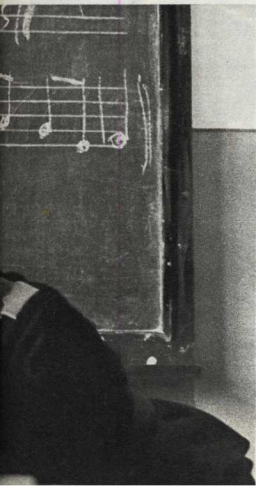

КОМПА ТРУБАЧ ЗАП

КОМПАНИИ

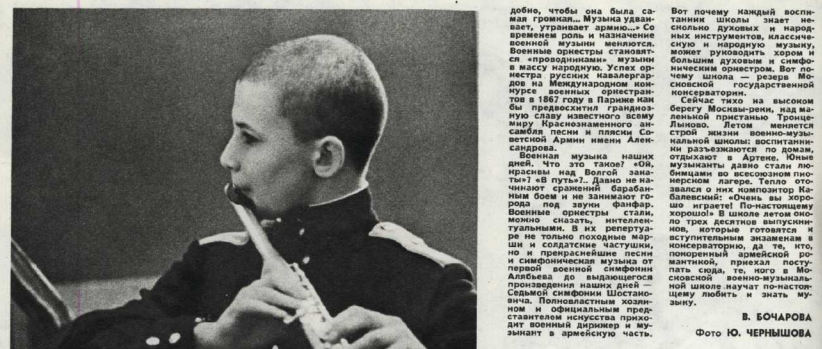

Трубача не видно. Но, наверно, веселый он человек, иначе не выводишь бы труба так легко, так лихо и радостно. Ее звуки обрушиваются на ближний сосновый бор, падают вниз, и рево, и не успевают еще разлететься над ней, как строй ребят — от двенадцатилетних пацанят до широкорюлых семнадцатилетних парней — выстраивается на учебном плацу. Так начинается день воспитанников Московской военно-музыкальной школы.

У проходной, на зависть мальчишкам с ближних улиц, — стройный воспитанник-дежурный в черной с

Воспитанники военно-музыкальной школы... За шесть лет они постигают музыкальную, военную, трудовую грамоту.

В. БОЧАРОВА
Фото Ю. ЧЕРНЫШОВА

альми погони форме. За отрядом, в старинном широконюсном плаще — шляпа, класас, спортплощадки. Всего здесь около двухсот учащихся. Кан в каждом военном училище, у них местный рабочий режим: занятия по общеобразовательным предметам, строевая и, главное, музыкальная подготовка.

Часто говорят: мальчишки есть мальчишки, будущих умных-теоретиков и будущих пожарных одинаково манит футбол, шахматы, хоккей и другие неприменные ребячьи увлечения. Наверное, так. Но здесь, кажется, все по-другому. По-настоящему видеть мальчишью сферой в самом неподходящем месте — где-нибудь на пеньке в густых зарослях или шагающая по длинной аллее, старательно выдувающая одну ноту.

Уче в классе девятю учтя из каждой комнаты, из каждого голоса слышны разнообразные трели и ругань доброй, труб, альта, вадторы и еще десятки разных духовых инструментов: идет обязательное «прочтение» гора. Вскоре правда, «музыкальный» берет. Боевые рензи заткнут, юные музыканты берут в руки учебники и превращаются в обыкновенных школьничков. Но через несколько часов — опять музыкальные занятия. Потом — строевые занятия, физическая подготовка. Вечером над яловым лесом снова раздается многоголосная инструментальная музыка: полтора часа дается самоподготовка по специальности.

Конечно, не в день и не в неделю принимают ребята к четкому порядку, но, войдя в ритм жизни военной школы, становится организованнее, волевыми, и, как ожидается, «сильными духом»: умеют быть не только старшие, Рота майора Лебедева (Самые юные воспитанники) — первая не только по порядковому номеру. Она лучше. Ребята отобраны у старших знамя, на погонах их носится вышитый «Переходящее знамя лучшей роты Московской военно-музыкальной школы от войск Брестской гвзрнизации. Победителю в социалистическом соревновании».

Посылаемых немалый конкурс на поступительных эндулавах военно-музыкальной школы — единственная в стране), ребята считают себя счастливыми. Секрет тут не хитер: мальчишек привлекает не просто музыка, а военная музыка, военная дисциплина, военная организация. Это они стараются торжественные военные парады на Красной площади. Помните, следом за машиной марширует парадом вперед, идеальное равнение, кан ни ширин: в шеренгах, в рядах, по диагонали. Единый шаг, единый взгляд, единый интонационный азлет барабанных палочек. Славная мелодия физическим и серьезностью торжественности и solemnity. И этому событию долго готовится, на тренировках шифруется каждое движение. Этой почетной обязанностью гордится есла дивизия. «Мы — лица парадного», — говорит здесь.

Есть у будущих военных дирижеров и музыкантов

небольшая комната, в которую они часто приходят. Здесь — тридцатилетняя история школы. Фотографии. Воспитанники на отрядных свечах парты и номсорола. На военных парадах. На концертах. Почетные грамоты, Дипломы. Портреты военных руководителей школы, с самого первого, полковника Леонида Николаевича Ванка, до сегодняшнего, полковника Армена Николаевича Миничева. История Московской военно-музыкальной школы неотделима от традиций русской военной музыки. Воспитанники на кант знают тексты, но несколько венов назад шел вперед ратных дружин, воодушевления их перед боем и выходя победу. Знают и помнят их.

1220 год. «Юны ринуть на Москва, бубны бьют на Коломне, трубы трубят в Серпухове, заветт слава по всей земле Русской.» Идет войско русское а поход, вперед: — всалянами с трубами и бубнами, селения и барабаны. Это первые военные музыканты на Руси. Лютт дивел. И вот уже Петр I и своих знаменитых военных реформис 1711 года во всех полковых полках вводит штатные артисты в составе дивелти музыкантов, называвшихся тогда гобистами, и шефствудити Варбациндис. Музыка и война, казались бы, далекие друг от друга понятия. Но так именно возматствует искусство души человека: пробундла в нем боевой дух, силу, волю на подвиг. Аллесамед, Васильевич Суворов не раз говорит: «Музыка в бое нульна и полезна, и на-

добно, чтобы она была сама гриной. Музыка увенывает, уграивает армию.» Со временем роль и значение военной музыки менялось. Военные оркестры становятся «пророчными», музыканты в массу народную. Успех оркестра русских кавалергардов на Международном конкурсе военных оркестрантов в 1867 году в Париже кан бы предостигнул грандиозную славу известного всему миру Краснознаменного ансамбля песни и пляски Советской Армии имени Александрова.

Военная музыка наших дней. Что это такое? «Ой, часасы кан Волгой занаты» «В путь!». Давно не канчуют сражений барабанным боем и не замигают города под звуком фанфар. Военный оркестр, став, можно сказать, интеллектуальным. В их репертуаре не только походные марши и солдатские частушки, но и прекраснейшие песни и симфоническая музыка от первой военной симфонии Алоубева до выходящего произведения наших дней: Сельской симфонии Шостаковича.

Почвастним холмином обидительным провозглашает искусство приходит конный дирижер и музыкант в армейскую часть.

Вот почему каждый воспитанник школы знает несомненно духовых и народных инструментов, классическую и народную музыку, может руководить хором и большим духовым и симфоническим оркестром. Вот почему школа — резерв Московской государственной консерватории.

Как-то так на высоком берегу Москва-реки, над маленькой пристанью Тронцевско-Лыково. Летом меняется небольшая школа: воспитанники разьезжаются по домам, отключают в Артеке. Юные музыканты давно стали популярными во всемозном пионерском лагере. Тепло отзывается о них композитор Илья Блавынский: «Юные, вы хорошие играте! По-настоящему стройт жизни военно-музыкальной школы: которые готовятся и аступительным экзаменам в консерваторию, да те, кто, поименный армейской ротантин, приехал поступать сюда, те, кто в Московской военно-музыкальной школе канучт по-настоящему любить эту музыку».

Участники торжественных церемоний.

От «до» до «си».

Владимир ПАВЛОВ

ИЗ
НОВЫХ
СТИХОВ

Когда емшан цветет

«Степной травы пучок сухой —
Он и сухой благоухает...»

А. А. Маяков

Брожу больной. Не знаю, что со мной:
Тоска моя гнетет...
Возле, как пахнет степь весной,
Когда емшан цветет!

Заря и воздух ярче янтаря,
Иода, меда смесь,
И от тополянок, красных, как заря,
Устурю пылают вьсы.

И туча изгибается дугой —
Волну из моря плывет,
И в землю бьет концы ее другой,
Лиловым ливнем бьет!

Так широко, и на душе покой...
Вздыхаешь глубоко,
И жить легко: кругом простор такой!
Так видно далеко!

Но я забыл бездомные года,
Вернулся в городе,
Поникну степь... Неужто навсегда!
Как видно, дал Беда...

Да, города — подобие планет,
Их притяжение — цепь...

Здесь пыли нет, камней и дыма нет —
Одна лишь степь да степь!..

Здесь все мое: зеленые поля
И синяя звезда,
Просты, понятны люди и земля,
Как хлеб и как вода.

Ах, этот город светлой пустотой
Мой разум ослепил,
Пятой чужбиной, каменной плитой
На душу наступил!

Игра теней, огней, мельканье дней —
Жизнь страна, как до сна.
Я ничего не понимаю в ней,
Все это не по мне.

И подепол! Емшан в степи цветет,
И дом его — восток.
В чужой земле ковыль не прорастет,
Умрет его росток!

Ну, что же делать! Сердце укрепил,
Терпи! Пора придет —
И вдруг очнешься: ты один в степи.
Вокруг емшан цветет.

Оберегай себя

Грущу, тебя любя:
Ты так нежна, отважна!
Оберегай себя,
Мне это очень важно.

Обиды и долги,
Прошу, забудем дружно.
Себя побереги.
Мне это очень нужно.

Рассчитывай шаги,
Ловь различный во
взгляде.

Себя побереги,
Меня хотя бы радди!

Ты вернись мне, скажи!

Давай беречься вместе
От зависти и лести,
От ревности и лести.

От злого языка
И тяжкого недуга,
От уняного врага
И мелочного друга...

Друзей не избегай,
Но зоркой будь повсюду.
Себя оберегай,
И я сплоснен буду!

Я знаю: бой любуй
Тебя не спугает...
Таб пусь моя любовь
Тебя оберегает!

Семена

В магазине «Семена» —
Солнце, мрак и тишина.
Слышу тихий шорох зерен,
Шепот, шум: пришла весна!
Ну, а раз пришла весна,
Не до сна вам, семена:
Лик зерен, как порох, черен,
Как земля, черна спина.

От дымянья у зерна
Муть вздымается спина,
Зерно трется друг о друга,
Их к труду зовет весна.
На прилавке у окна

Спать устану семена,
Их не только всея оруга,
Их теперь Земля теснит!

Вьется солнечный дымок...
Не упрямей под зямок:
Дочь дождя, дитя металла,
Солнце, скатное в комок.
Сделать подлость под шумок

Вы смогли б! И я б не смог!
Ну, а если б и хотели,
Кто бы в этом нам помог!

Пусть поют в лучах зарн
Соловьи и синицы,
Их цветы необходимы —
Песне души подарки!
Не рвануть и не корн,
Лучше чудо сотвори:
Подари цветы любимой,
Слов пухлых не говори!

Пусть тюльпаны и ризеда
На столах цветут всегда,
Чтобы праздничным ставн

Пасмурные города-
Ты почтен! Не беда!
Заходи, мой друг, сюда:
Розы в век угла и стали —
Лучший отдых от труда.

Для серпа и топора
Астры — детская игра,
Но уж коль цветет планета,
Стало быть, пришла пора!
Пусть с утра поют ветра
В наждах, полных серебра,
Песни лета, песни света,
Песни правды и добра.

Истина

В синей раме окна золотится звезда.
Красный гроб в полумраке торчит
углового...
В этом доме часы торопились всегда,
И хозяин всю жизнь торопился
куда-то.

И, в халате встречая гостей у двери,
Усмехался соучастивое:
— Что, достается!

Шагом марш, молодежь! Поскорей,
поскорей!
Ровно тридцать минут у меня
остается..

Шелестели минуты страницами книг,
И стучали сердца напряженно и
глухо.

Когда слушал нас мудрый носатый
старик,
Оттопырив ладонью мозжечное ухо,
Все по-прежнему в мире, а вас уже
нет.

Черный бархат. Тяжелые черные
книжки.

Кто, профессор, волеет в наши
головой свет
Абсолютных, как свет, относительных
истин!

Бабы лето. Кругом пустота и покой,
Желтый лист неподвижно левит на
равнине.

В доме тишь. Расскажите, профессор,
с какой
Вечной истиной вы ознакомились
ныне!

Где ваш дух! По каким он блуждает
волнам,
Над какими пустынями и полонисаи!
Этой истины вы не откроете нам.

Мы когда-нибудь с ней ознакомились
сами.

Вы навсквозь изучили свое ремесло,
Вы шагали сквозь годы в молчанье
суровой.

Вот количество в качестве и
перешло...

Кем себя ощущаете в качестве
новом!

Составитель конспектов, читатель
газет,
Верный ваш ученик, я стою одесную.
Это кажется, будто движения нет,—
Переходит материя в форму иную.

Как гласит диалектика, в вечной
борьбе
Между старым и новым победа за
новым.

Все течет! Вот и вы стали «вещью в
себе»,
Неподвижной, запитую светом
багровым.

Ваш седой хохолок отвисает смешиво,
Вам осеннее солнце окрасило руки.

Ваше ухо внимательно слушает звуки,
Те, которых услышать немалы не дано.

В синей раме окна золотится звезда.
Что вам снится, профессор! Легко ли
вам спится!

В доме тишь, и часы не спешат
никуда,

И хозяин, как видно, устал торопиться.

НА КАРТЕ НА КАРТЕ

Идет заседание кабинета Джексона. У карты — командующий американскими войсками в Южном Вьетнаме генерал Уэстморленд. В 1965 году американский журнал «Тайм» назвал его «человеком года». За что? Уэстморленд заявил тогда,

что у него есть «ключ и решение вьетнамской проблемы» — под ружьем у него находилось 250 тысяч отборных американских солдат. Сейчас под командой Уэстморленда полмиллиона, а «вьетнамская проблема» для Америки так же далека от

решения, как и два года назад...

Генерал Уэстморленд докладывает. Указующий его перст, словно орудие дальноточной артиллерии, нацелен на Южный Вьетнам, в самом его сердце. Не в той ли самой точке далекой страны лежат этот парень в армейском отделе, бывший когда-то солдатом армии США? Но на бумаге все гладко, а масштабы нагрудки слезливого мелом... И что вообще может означать одна человеческая судьба для людей, привычных считать миллиардами долларов и сотнями человеческих жизней.

Недавно Линдон Джонсон поведал миру, что однажды, год назад, он заявил своей младшей дочери, Лусис в историю как человек, развязавший третью мировую войну». И добавил: «В худшем случае ты можешь завтра не проснуться».

Парень, что летит на юж-

новьетнамской земле, на той земле, которую он топтал по приказу президента США, уже не проснется...

Весь внимание государственной секретарь США Дин Раск (сидит по правую руку от президента). Странным образом устроен этот человек. Канонеры для него равнозначны дипломатам, бомбы и капалки превращаются в пальмовые ветки. Он любит повторять, что оружие — вовсе не аргумент, что его оружие — слова. Но сам-то он понимает слова? Общественный смысл простых и искренних слов?

«ВОЙНА ВОПРЕК НЕ ТАКАЯ, КАКОВА Я ЕЕ ПРЕДСТАВЛЯЛ СЕБЕ. Я НЕ ДУМАЮ, ЧТО ВЫ ПОЙМЕТЕ, ЧТО ПРОИСХОДИТ ЗДЕСЬ. Я САМ НИЧЕГО НЕ МОГУ ПОНИТЬ...» Эти слова взяты из письма американского солдата Д. Димейнго своему брату.

«ТЫ ПИШЕШЬ, ЧТО ЛЮДИ ХОТЯТ ЗНАТЬ, ЧТО Я ДУМАЮ О ВОЙНЕ. Я СЧИТАЮ, ЧТО США НЕЧЕГО БЫ-

ЛО ВМЕШАВАТЬСЯ, КОГДА УДИИ ФРАНЦУЗЫ... БОЛЬШИНСТВО ПАРНЕВ ЗДЕСЬ СЧИТАЕТ, ЧТО ЭТО ТРЕЗНАЯ, ВОИНОЧАЛ ВОЙНА, И НЕ МОГУТ ДОЖДАТЬСЯ, КОГДА ВЕРНУТСЯ ДОМОУ...»

«ТЯЖЕЛО, НУЖНО БЫТЬ ХРАБРЫМ НЕ ПОТОМУ, ЧТО У ТЕБЯ НЕТ СТРАХА, А ПОТОМУ, ЧТО ТЫ ДОЛЖЕН БЫТЬ ХРАБРЫМ, КОГДА ЗАКРЫВАЕШЬ И СПРЯТЫВАЕШЬ ЗАКРЫВАЕШЬ НЕУСЛУША, НЕ СПРЯТЫВАЕШЬ НЕУСЛУША, ВПЕРЕДИ БЕСКОНЕЧНЫЕ СЛУЧНЫЕ ДНИ. ЗАВТРА, ЗАВТРА... ЗАВТРА... А ВЕДЬ ИДИОТ ТЫ САМ...»

В следующем письме он написал брату, что у него предчувствие, что он умрет во Вьетнаме. Письмо началось словами: «НИ СЛОВА ОБ ЭТОМ ПИСЬМЕ, ПОНИЛ?»

Через несколько дней Димейнго был убит... Поймай ли министр Раск слова американского солдата? Вряд ли. Ведь это крик души, нечто в высшей степени недипломатичное...

Слева от президента — военный министр Макнамара. Если Раск по долгу службы должен оправдывать войну, то Макнамара ее не оправдывает. Он ее делает. За холодный, безжалостный ум близкие люди называют его «компьютером» — электронно-счетной машиной. Но, видимо, некоторые человеческие чувства ему не чужды, тщеславие, например. «Эту войну называют войной Макнамара», — с ироничным самодовольством говорит он еще на заре американской агрессии во Вьетнаме. — Я горжусь, что ее называют моей войной.»

Высший вашиingtonский синклит заседает. Высший вашиingtonский синклит обсуждает ход агрессии.

А где-то во Вьетнаме тем временем гибнут американские ларны. И они будут гибнуть, пока во главе со своим командующим не унесут ноги с вьетнамской земли.

А. ПУМЛЯНСКИЙ

Рисунок В. ЮДИНА

Ладно, это все проблемы будущего, но нужно что-то и сейчас предпринять! — вернулся я к своему единственному выступлению. — Хорошо ты будешь проигрывать всем трюки, а там, глядишь, еще кому-нибудь. Ничего себе сенсации! Я прошел все один круг, потом еще. Черный мальчик отдаст-таки своего форса. Мне удалось, правда, найти защиту от немедленного мата, но какой ценой! Теперь у меня не хватало сил, и я продолжал вести борьбу лишь для видимости.

«Там дальше не пойдет!» — решил я после того, как в другой партии просмотрел элементарную ошибку и остался без слона, а в третьей потерял две пешки. И тут опыт подсказал единственно возможный выход.

— Француз в Москву приехал англичанин Роберт Вейд. Не послушавшись предупреждений экс-чемпиона мира Макса Эйбе, рекомендовавшего своим западным коллегам ни в коем случае не давать сенсасов советским школьникам, Вейд выступил в Московском Доме пионеров. Результат был плачевен: Вейд играл тридцать партий более восьми часов, свел десять партий вничью и... ни одной не выиграл!

Через несомненно лет я приехал в Лондон.

— Я хотел бы предложить вам дать сенсас против лондонских школьников... с безразличным видом продалони мне английский мастер.

— Это что? — ваши пионеры, мистер Вейд? — спросил я своего английского коллегу.

— Ну нет, что вы! — последние разукрепить меня Вейд.

Я начал играть против двадцати пяти английских мальчишек. Уже первые круги убедили меня в том, что если мне и не грозит повторение вальдовского результата, то что-то близкое к этому вполне может случиться. Я уже предвидел торжество Вейда, наступило следующее за ходом борьбы. Сенсас уже закончился весьма печально, если бы я в решающий момент не стал предлагать своим противникам ничью. Многие из моих предложений были охотно приняты. Видимо, англий-

ские школьники считали для себя почетным сделать ничью с советским гроссмейстером. Известно, что трудность сенсаса увеличивается с ростом числа досок в геометрической прогрессии. На тридцати досках в четыре раза труднее играть, чем на пятнадцати. Когда число партийное сократилось, играть стало легче, и я без особого труда расправился с остальными шахматистами. Точно так же поступил и в нынешнем сенсасе. Это сразу облегчило игру, я стал реже ошибаться и вскоре расправился с тремя противниками, чьи позиции давно уже были безнадежными. Но и тогда дела мои против заполучив трюны улучшились, нанявшего мальчуга я был вынужден сдать трюны, против двух других также «стоял» неважно. «Тамлоллатать» методично наступая пешками на позицию моего короля, а хуленый мальчик получил сильную проходную пешку на ферзевом фланге и снова все мое фигуры. Я теперь играл сильнее, но и ответы моих неприятелей были также на высоте. Я подозревал, что и позиция лучшего хода принадлежала черновоскому мальчишке, осознанный забот о собственной партии.

Мне попытка наказать самоуверенных юншюк провалилась, и это заметило испорчено мне настроение. «Чего ты расстраиваешься!» — спросил я себя. — Чего хочешь добиться? Разве ты в свое время не играл точно так же в сенсасах против вальдовских шахматистов мира, разве не ставил себе целью «обязательно» выиграть гроссмейстера? Говоришь, был важнее тогда, выдержаннее! А монет, это тебе сейчас так кажется? — Валечкаственный и амполдпный появился Эсте Равль Капаблани-и-Граупера в зале Дома печати в Москве.

— Вы знаете против вас играют очень сильный состав... предупредили мастера организаторы.

— Чем сильнее состав, тем интереснее играть! — самоуверенно заявил гроссмейстер.

И час дого собрался.

«Прибли гроссмейстер... А что делать дальше? Куда пойти? Ну и по-года!»

— Часа три... побеждал гениальный кубинчик по праву считающийся лучшим сенсасовым мастером. Боже мой, что делалось с Капабланиной московские перверздрядники! Ты ведь тоже был тогда среди них и одним из первых торжествовал победу. Взаимный, потерянный ход! Капабланина от стоянка и стоянку, где терял фигуру, где получал мат. Исчезли его величавость, плавание, уверенные движения тонких пальцев. Только семеро московичей сдались, зато четырнадцать повергли ниц непобедимшего из чемпионов. Разве из тех, кто играл против Капаблани, не выросли гроссмейстеры, сильнейшие мастера? Разве не помнит мир, что Виссала Ботвинник свою карьеру начал именно с победы в сенсасе над Капабланикой!

Там чего же ты расстраиваешься? Ведь это сидит твоя смена, талантливая и пусть немного болтливая, чем нулею, самоуверенная. Когда-нибудь ты с гордостью будешь говорить, что теперешний чемпион играл в твоем сенсасе. Радостнее, веселее встречай будущие шахматы! Ожидательно усложненный, отбивая в наступление пешки «тамлоллатать», без злости встречал наизвод предимение проходной хуленого мальчишки. С такими противниками можно справиться только один на один. И главное, думать, думать, быть внимательным. В сенсасе это сделать невозможно.

Стоит ли говорить, что одну за другой я вскоре сдал обе партии. И счастье, поражение! Больше не было. Когда я сдал последний ход в последней партии, в парке было совсем темно. Дождь все так же хлестал. Меня окружили шахматисты, засыпавшие обычными вопросами: где, по-вашему, я ошибся, мог ли я сыграть лучше? Инструктор собрал шахматы, он общал проводить меня до метро, прикрыв чьи-то плечи.

Я валялся на победивших меня мальчишках. Они уже сдали доску и фигуры и сидели снова вяло, чем-то недовольные.

«Прибли гроссмейстер... А что делать дальше? Куда пойти? Ну и по-года!»

Если кому-нибудь придет в голову собрать триллионные мысли нашего века, он непременно должен записать такую: «Легче сделать заново открытие, чем убедиться, что оно не было сделано раньше». Она comes из статьи в старом журнале, можно сказать, наизусть. А между тем мысль эта не так уж стара, во всяком случае, на русском языке известна лет десять и выслана Джонни Берналлом в книге «Наука в истории общества». Насколько же остро должна встать проблема научной информации, насколько часто надо было бы писать и говорить, чтобы всею за десять лет глубокое суждение сделать додочкой афоризмом!

...Может быть, к важнейшим событиям отечественной науки второй половины двадцатого столетия отнесут создание в Москве Института научной информации и технической информации (ВИНИТИ). Это рассказ о его работе.

Большая половина книг, хранящихся в Ленинской библиотеке, не было никогда востребована ни одним читателем.

(Факт).

Поток научной и технической информации в наши дни огромен. А без ознакомления с тем, что сделано в мире, невозможно сейчас развитие любой национальной науки. Но представляя себя на месте химика, которому надо прочитать все статьи, вышедшие за год. Для этого ему надо знать тридцать языков (что маловероятно) и читать четыре миллиона в час (что совсем уж неправдоподобно). Но даже если бы такой идеальный язык существовал, то на чтение у него ушло бы... семнадцать лет.

Не комментирую факт, вынесенный в эпиграф. Десятки миллионов книг, в которые вложено труд десятков миллионов людей, на которые в общей сложности затрачены сотни миллионов лет и которые остались непрочитанными — эта цифра говорит сама за себя.

Лет через десять — пятнадцать поток информации удвоится. И уже некоторые ученые в отчаянии предлагают сократить число научных статей, оставшая только наиболее важная. Но где найдется тот смысловой, тот арбитр, который определит, что незначительна на первый взгляд работа покажется такой же и десять лет спустя! Последнее суждение в науке — вещь сомнительная. Нет, по-видимому, с научной информацией надо «расправляться» другим методом — в том или ином виде, но ее надо читать!

В день, когда я был в ВИНИТИ, сюда пришло 562 журнала из 31 страны. После оформления они поступают в соответствующие секторы — в зависимости от группы языка. Я занял в один из них — ассирийский. Где познакомились с заведующей Софией Никитичной Ситюк.

Толстые тома справочного, рубрикатора загромождают его стол. По рубричному можно определить, в какой отдел должна быть направлена статья. Но должна ли? Это тоже вопрос.

Число вписные журналы. Среди странных страниц, заполненных сплошными рядами формул, встречаются вдруг веселые карикатуры или, скажем, цветная фотография ангорского кота — иллюстрация к очень научной статье (тип та, что печатают у нас в трудах АН СССР) об анилинах и красках. В этом есть что-то привлекательное: составители журнала не

боятся показаться несерьезными, что же касается ученых — они оценят юмор. Но в научных журналах — это тоже неправильно для нас — есть статьи откровенно рекламного свойства. Есть и просто избыточные информационные. Из всего этого надо выбрать самое существенное, что нужно нашей науке и нашим ученым. Отбор как раз и происходит в языковом секторе.

Опыт? Пожалуй. Софья Никитична по образованию филолог, свободно оперирует научными терминами, она, как и ее коллеги, знакомы с последними достижениями в области физики, химии, биологии. Недаром же каждый из филологов в ВИНИТИ специализируется по какой-либо научной дисциплине. Когда же ему трудно решить вопрос о целесообразности перевода статьи, он прибегает к помощи специалиста.

После языкового сектора фотоконтакт статьи попадают в бумажный, здесь осуществляется их реферирование и комплектуются реферативные журналы. Если работа очень важная, она выпускается в виде реферативной информации. И, наконец, в ВИНИТИ существует сверхреферативная служба. Нетрудно представить ученого, круглогодично специализирующегося в своей области, которому не надо читать ни самой статьи, ни ее реферата, а только знать, что такая статья вышла. По заглавию он определяет суть ее. Для таких вот зрелищ выпускается сигнальная информация.

В мире сейчас издается 50 тысяч научно-технических журналов в год, выйдут два с половиной миллиона статей. Если считать, что большая их часть посвящена проблемам гуманитарных наук и социологии, то на долю техники приходится миллионы статей. И почти весь этот миллион проходит через ВИНИТИ. Иначе говоря, все наиболее значительное, что создает человечество и о чем оно оповещает мир — это все сосредоточивается во Всесоюзном институте информации.

Выпускается около 160 тетрадей («Химия», «Физика», «Биология» и т. д.). Название «Реферативный журнал» (РЖ) относится к ним ко всем. Именно журнал, а не журналы, ибо к построению общей картины мира сопоставляются все области знаний, и самым трудным определяется границу, где, скажем, начинается биология и кончается математика. Поэтому один и тот же реферат можно встретить в разных изданиях РЖ: «География», «Биология», «Физика».

Насколько же всеобъемлюще наш РЖ! Вот свидетельство одного американского журналиста: «Американские ученые знают о новых успехах в своей области, достигнутых американцами, из русских реферативных журналов».

Добавить к этому нечего.

«Через тридцать — сорок лет вся земля поделится библиотечками.

(Из разговорной зам. директора ВИНИТИ в диалог с техническим наем. Ю. И. Сорганиным).

До сих пор мы об этом не говорили, но читатель догадывается, что обработка столь колоссального потока информации невозможна без кибернетики.

Сейчас совершенно ведутся споры: кто может машине? Выбрать маршрут по городу — да, написать роман — нет, утверждать один. Другое возражают: это так, но речь идет о тех машинах, о тех возможностях, которыми располагает машина или даже в состоянии предвидеть ее конструктор сегодня.

Относно этих споров я слышал в ВИНИТИ. Осторожное мнение (назовем так наиболее пока реальный взгляд на вещи) сводится к тому, что научить машину работать по алгоритму можно, реферировать — нет. В самом деле, реферирование — не только краткий пересказ статьи, это акцентирование внимания на главном в ней, в какой-то мере оценка ее, короче говоря, работа творческая. Чтобы ее сделала машина, в блок ее «памяти» надо заложить программу творческого труда, то есть создать модель человеческого мозга. Увы, пока такого сделать мы не можем, зато работы в этом направлении ведутся, в том числе и в ВИНИТИ.

Возможности нынешней кибернетики — для информационной работы — пока более чем скромны. Составить анализ машины пока не могут, перевод с языка на язык им еще не доверяют (имеющиеся переводы довольно слабы, что легче сделать их заново, чем отредактировать). Да и сейчас, как толковал, если машины только вот-вот научились читать! Вроде, и это уже много. Я говорю об «автомате Арух», созданном в ВИНИТИ.

Называть его так, как услышал первый раз. «Обязательно посмотрите!» — говорили мне сначала заместители директора, потом в отделе института «АВРХ» — и учились в расшифровываем странное название. Ассоциативное вычислительно-решающее устройство... Или нет: анализатор, вычислитель... Впрочем, при любых вариантах код последней буквы расшифровывал не поддается. Наконец я отказался от бесполовых попыток. И правильно сделал. Арух оказался вовсе не машиной, а устройством. Миром Львовна Арух, энергичный начальник отдела читающих устройств лаборатории электродешифрирования.

Мирман Львовна и познанокомы меня со своим детством. В небольшой комнате стоят четыре металлических шкафа. У каждого — свое название: блок электрооптических преобразований, осциллографы, блок автоматизации и блок дешифрирования. От автомата идут кабели в подвал института. Там — электроно-вычислительная машина «УРАЛ-4».

Мирман Львовна открыла двери первого шкафа. В несколько тише световом сумраке я увидел синий световой луч. Он был направлен на стопку бумаги с машиннописным текстом... Луч медленно скользил по напечатанным строкам, как бы осторожно ощупывая и узнавая буквы. Строка проедена — луч переходит к другой! На одном осциллографе по мере чтения буквы машиннописного кирилического из изображения, на другом — более блеклые. Это контроль, то есть то, что принимается «блоком анализа». Дальше буквы зашифрованы — это слова в запоминающее устройство ЗВМ.

Подобные читающие автоматы разрабатываются сейчас во всем мире. Совсем недавно промышленно сообщество США выкупило запатентованные машины, оснащенные напечатанные или написанные от руки цифры и пять букв «аврифта». «Автомат Арух» узнает все буквы аврифта, и русское и латинское, и может читать текст на русском и английском языках, правда, только напечатанный, да и то не на всех видах машинок.

Зачем же учат автоматы «читать»? Мне бы хотелось вернуть читателя к эпиграфу раздела, высказанному, конечно, не как прогноз, а как предостережение. Сравните его с первым эпиграфом. Приоткрещен! С одной стороны, не разрывались бы, сказать, книги, с другой — строительство помещений для их хранения. Настор будущим времени, несомненно, подметит этот парадокс как очень характерный для века бурно развивающейся науки и гигантского роста информации о ней.

ВИНИТИ как раз и пытается разрешить это. В первом разделе статьи мы говорили о «золотом кладовнике научных знаний» («Реферативные журналы»). Придти же кладу свойства действительной драгоценности — информации, — это огромная ценность (знания) в малом объеме, как раз и помогут ЗВМ. В блоках памяти кибернетических машин будут записаны и огромные фольклоры трудов интеллигенции и тонкие традиции с патентами, монографии маститых ученых и статьи молодых аспирантов. Отпадет нужда не только в грандиозных книгохранилищах, но и объяснится сам процесс нужной информации: сигнал, подаваемый в машину, в долю секунды извлечет из нее необходимые сведения.

Но... И здесь мы снова вернемся к «автомату Азурх»...

— В современном кибернетическом устройстве — говорит Мирна Львова, — информация вводится в виде двойного кода: «пусто» — не пусто, «ест дырка на перфокарте» — нет. Предположим, в ВИНТИИ по одной отрасли знаний поступает 200 тысяч документов, предположим, в каждом из них четыре тысячи знаков. Итого 800 миллионов. При условии, что на одной перфокарте 80 знаков, а оператор делает за смену 200 карт, подсчитайте, сколько смен потребуется на обработку всех документов...

Мирна Львова берет карандаш и делает простой расчет.

— 50 тысяч смен. Считаем, в году триста смен. Значит, необходимо 170 операторов — и это только для одной отрасли знания! А кроме того, что вы будете делать с десятью миллионами перфокарточек? Строить для них перфораторы?

И потому лучше научить машину «читать» текст не с пробитых карточек, а непосредственно с печатных страниц.

Синий луч скользит по строчкам... Удивителен все же век киберетики, удивителны эти первые пробоорзы бушащих двойных людей, электронных Адам! Сначала их знали, сочинять музыку, ставить диагнозы и только потом грамоты. И нет ли здесь определенного расчета? И не опасается ли человек не будущее определенных козерь! Когда автоматы станут танцами, какими их видит сейчас писатели-фантасты, когда придет армия интеллектуального общения между нами и людьми, их всегда можно будет поставить на место: «Милые, того, не задирайте носы. Читайте-то вы когда научились — забыли уже!»

«Информатор — это специалист в какой-либо отрасли науки или практической деятельности, занимающийся применением методов научной информатической деятельностью...»

(Из статьи А. И. Михайлова, А. И. Черного, Р. С. Гилдревского «Информатика — новое название науки научной информатика».)

«Вы думаете, этот человек мало сделал? Да он повисил обшуй урвань!» Пелаг трагически одождо из афоризмов Станислава Ежи Леца.

Родился новый вид деятельности — научно-информационная. Я разговариваю с директором ВИНТИИ, профессором Александром Ивановичем Михайловым.

— Мир — по мере его постижения — не становится более простым. Уже в прошлом веке стал немислим тип ученого-эциклопедиста, такого, как Ломоносов, Паскаль, Леонардо. Затем произошло следующая дифференциация: учений-теоретик и ученый-экспериментатор, то есть одна сфера знаний не только уже полностью насыщала трудом всю жизнь ученого, но и внутри этой сферы требовалось разделение: трудоемкое сложное стало теорией и трудоемкий эксперимент. Теперь внутри все той же одной сферы произошло новое деление. Появился ученый-информатор.

С одним из них я познакомился — Юрием Владимировичем Медведковым. На вид ему лет тридцать пять, пыльная кожа волос, внимательные глаза за толстыми стеклами очков. Когда разговаривает, неожиданно скандирует на собеседника взгляд. Он свободно владеет тремя языками. О нем говорят как об одном из наиболее талантливых молодых ученых института. По профессии географ, главный редактор серии РЖ — «География».

Рабочий день Юрия Владимировича начинается с просмотра статей, которые направлены ему на реферирование. В виде исключения присутствуют при этом и в В отделе, как и во всем институте, время с девять до двенадцати — святое, никто ни к кому не ходит, никто ни с кем не разговаривает, стараются меньше звонить. Три часа — за это время надо подумать над содержанием статей, решить, насколько они важны, то есть заслуживают ли реферата или просто аннотации, составить самодельный реферат, короче говоря, идет творческая работа, а творчество не терпит суеты.

В топку фотоплюй Юрия Владимирович выкинет наугад первую статью. «Вост населения мира и производственные ресурсы».

«Не очень удачный пример, — огорченно говорит он. — Тема настолько избита, да и автор не очень авторитетен (им оказался американский аспирант из Детройта), что вряд ли об этой статье следует писать подробно... Впрочем, нет, приговор, кажется, поспешен. Вот график. Это что-то новое в исследовании проблемы. Пожалуй, они могут заинтересовать наших учеников».

Следующая... Любопытной! «Теоретическая схема возникновения поляризации», Франция. Поляризация — неравномерность расселения жителей, — поясняет Юрий Владимирович, но в следующую минуту, увлеченный статьей, кажется, забывает о моем присутствии.

Что, так... любопытной! По-моему, первая серьезная разработка во Франции на эту тему.

Дальше идет доклад какого-то

бельгийского ученого — «Перенаселенный мир», который безжалостно отключается в сторону. В докладе только факты, ну а фактами на этот счет мир действительно «перенаселен».

Затем перед ним ложится японское «Исследование по урбанизации, материалы конгресса географо-экономистов и фотоплюй оглавления книги, которая заставит Медведкова удовлетворенно заметить: «Улов сегодня хороший. Это монография Л. Бунге «Теоретическая география, которая вот-вот должна выйти в нашем издательстве».

После обеда Юрия Владимирович беседует с референтами (в институте, кстати, более 20 тысяч внештатных сотрудников), которым передает часть статей, просматривает журналы, поступающие в ВИНТИИ, помогает лингвистам отобрать из них нужные статьи.

— Погодите! — скажет читатель. — Вы рассказали о рабочем дне информатора, а речь шла об ученом-информаторе. Да и может ли такое понятие вообще существовать? Теоретик, экспериментатор — это понятно, это активная научная деятельность. А информатор? Информатор идет всего о ретрансляции идей...

Замечание правильное, и, если бы мы остановились на том, что рассказано, оно было бы и справедливым. Рассказано же и в самом деле об очень будничном, можно сказать, о повседневном труде сотрудника ВИНТИИ. Но, как и в каждом институте, как в каждой области знаний, есть просто «отрудники», а есть люди, способные обобщать, анализировать привычный круг вещей, так есть они и в деятельности, названной научно-информационной.

Медведков окончил Институт международных отношений, факультет страноведения, потом поступил в аспирантуру. Специальность у него глубоко гуманитарная, но географ увлекается математикой... С этого все и началось.

Математическая география — возможно ли это? Оказывается, да. Оказывается, расселение людей, их плотность и даже возникновение городов опослущи числам, как заходит, как писал поэт и математик Велимир Хлебников, или, во всяком случае, подчинены какой-то закономерности. Сам Юрий Владимирович вывел новую формулу (именно формулу) уменьшения плотности населения от четки к окраинам города. Если подставить в нее числа, то получится, что в самом центре плотность населения. Это действительно так. В центре города — это не жуигу! Двадцать наезд все эти расчеты сложились бы мистикой.

Новое направление науки не рождается в голове одного, пусть самого

гениального ученого. Больше того, оно возникает сразу в нескольких странах. Отец кибернетики Винер находился записки своей теории у Колмогорова. У нас приверженцами математической географии стали известные ученые Ю. Г. Сагунин, А. Л. Гуревич, в США — Л. Бунге (о котором мы уже упоминали), в Англии — Хагет. Но, как и каждое новое направление, оно приходит на смену чему-то, а это «что-то» не мертвые догмы, как принято говорить, а сильная еще теория, это люди, защищающие ее. И защита этой работы бывает непрощенная. Бунге, например, очень интересный ученый, так и не смог издать свою книгу в Америке. Она вышла в Швеции.

Трудно с математической точностью (иногда и математика бывает бессильна) разграничить, что сделано Медведковым-географом и Медведковым-информатором для утверждения нового течения. Однако различия — та и другая деятельность — принципиальны. Медведков-географ издал две книги по специальной теории культурного ландшафта, был одним из организаторов первой в стране школы географо-математиков в Казани, сейчас выступает с лекциями в МГУ. Медведков-информатор из колоссального потока литературы выделит то новое, что появилось в науке о Земле, сделал это вовремя, нашел ему место среди других направлений, остановил взгляд коллег на проблематике малозвучных отраслей знаний.

В заголовке мы внесли первые строчки из четверостишия Вильяма Блейка, обращенные к поэту («В одно мгновение видеть вечность, огромней мир — а зрение пascка...»). Но то же можно сказать об информаторе. Что, как не писчика, капля воды, одна даться в океане информации! И что, как не целый мир, та сфера знаний, которую она представляет — мир со своим радостями открытий, драмами идей, конфликтами парадоксальных фактов? Увидеть этот мир как раз и должен информатор.

Может быть, здесь мы подойдем к определению, что же такое ученый-информатор? Человек неконсервативных взглядов, обладающий широкой эрудицией, чутко воспринимающий все то, что позволяет в науке...

Стоп! Дальше пусть продолжит директор ВИНТИИ профессор Александр Иванович Михайлов:

Ученый — это деятельность. Может быть ученый-инженер, ученый-конструктор. Все зависит от того, насколько важна, насколько значима работа, которую вы делаете. Научно-информационная же деятельность — одна из важнейших в наше время.

И. ГЛАВ

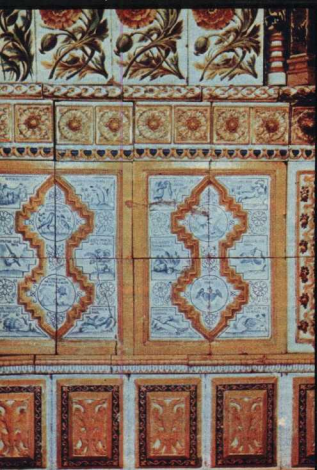
И СВЕТИТ И ГРЕЕТ

ГАЛЕРЕЯ ШЕДЕВРОВ

Евгений ОСЕТРОВ

Фото Ю. МАТЮНИНА

Эту печь-кигу наши предки «читали» долгими зимними вечерами.

Изразцовая плитка.

Русская печь, покрытая муравлеными изразцами.

Изразец с изображением Георгия Победоносца.

«Богат, да глуп», — написано на этом изразце.

Фрагмент полной рельефной стены.

Абрамцевские камни работы художника Врубеля.

«Соловей», «Пастух» — рисованные изразцы.

«ДОБРЫМ ЛЮДЯМ НА ЗАГЛЯДЕНЬЕ.»

Надпись на изразце

Герон народных сказок путешествовали, лежа на печи.

И пошла печь, говорится в сказке, по горам и долам, через поля широкое, через леса дремучие — прямоюю и столбному граду...

Древняя Русь знала печи, которые можно назвать своеобразным иерархическим лифтами. Кинг-печь позволяла, не покидая дома, совершить поездку в тридцатое царство, опуститься на дно морское, полететь на юбре-самолете, познакомиться с корабльщиками, что обходили весь свет. Печные изразцы украшали рисунками, животным, растительным орнаментом, юмористическими и поучительными сценами с забавными

НЕИЗВЕСТНЫЙ АЛЕХИН

Несколько лет назад в архиве одного старого любителя шахмат была обнаружена запись неизвестной доске партии, которую сыграл в свои детские годы великий русский шахматист Александр Алехин.

В партии Алехина с видным московским мастером В. Ненауровым, игранным в 1907 году, было сделано всего 10 (!) ходов. В отказанном ферзевом гамбите черные (Ненауров) предприняли неудачный размен слона на коня. Им удалось выиграть важную центральную пешку, сделать рокировку и, казалось бы, переждать белых в мобилизации сил. Но последовала неожиданный тактический маневр юного Алехина, и черным пришлось слезть оружием.

Вот как это произошло: 1. d4 d5 2. c4 Кс6 (наше играют здесь 2...e6, 2...с6 или 2...dс), 3. e4 Фd5 4. Кf3 Сg4 5. Кс3 Фa5 6. d5! 0-0 7. Сd2 С: f3! 8. e1 Кb5 9. a3! К: d5 10. Кa4! Черные сдались.

Под редакцией мастера
В. ЛЮБИМОВА

И ОДИН В ПОЛЕ ВОИНИ

Эта композиция способна изувечить любого шахматиста. Единственный конь белых ступает в неравную борьбу с моготорой неприступных фигур и побеждает. Попробуйте найти скрытый и красивый путь белых к победе.

«КООПЕРАТИВНЫЙ» МАТ

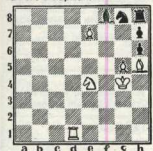
Среди шуточных композиций особенно популярны задания на «кооперативный» мат. Условие: дать черному королю мат в определенной число ходов в не обычных, естественных условиях максимального противодействия черным, а наоборот, путем кооперирования с ними — с помощью противника!

Вот одна из таких задач, содержащая любопытные комбинационные мотивы.

ВЕРНИТЕ КОРОЛЯ!

Как-то два начинающих шахматиста доигрались до го-ловальной позиции, которую вы видите на диаграмме. Играющая черными, увидев, что следующая ходом партнер момент объявить ему мат, схватил своего короля с доски и спрятал его в карман.

Попробуйте вернуть на место «украденного» короля.

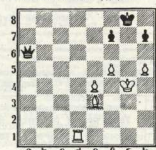
ПЕШКИ ПОБЕЖДАЮТ ФЕЗЯ

Оригинальный этюд советского шахматного композитора В. Каландадзе был удостоен приза на всесоюзном конкурсе организатором грузинским журналом «Дроша».

Выигрывает белыми весьма забавным путем: 1. Крf8! Фb6 2. Крf7 Фb6+ 3. Крf8! Фb7 4. Крb8 Фb7 5. Крb8 Фb6+ 6. Крb8 Кr: a6 7. c6! Кf7 8. f6! Фb7 9. Крb8 Ф: f6 10. b5! Ф: d8 11. c4! Не правда ли, красиво!

теперь попробуйте самостоятельно решить другой этюд В. Каландадзе, отмеченный на этом же конкурсе почетным отзывом. Начальная позиция настолько естественна, что кажется вымышленной из какой-нибудь практической партии. Белые достигают победы несложным, но изящным тактическим ударом.

Смена 1968

1968 год — год 50-летия Комсомола. В связи с этим редакция значительно расширит тематику своих выступлений, углубит познав многогранной, яркой жизни наших современников, и прежде всего молодежи.

В разделе очерка и публицистики вы найдете материалы под рубриками «Навстречу 50-летию Комсомола», «Герои наших дней». Документальные очерки расскажут об увлекательных страницах истории комсомола. Мы продолжим начатый в нынешнем году большой разговор о воспитании рабочей молодежи в процессе труда, о тех, кто управляет этим процессом и непосредственно связан с ним, о проблемах подготовки молодых специалистов. Видные публицисты поведут разговор о проблемах молодой семьи, о технической эстетике, о самовоспитании, о культуре мысли и чувства.

Фотоочерки «Смене» расскажут молодым читателям о грандиозных переменах на нашей земле, преобразившей Октябрь; об участии молодежи в коммунистическом строительстве; о массовых профессиях в промышленности, строительстве, службе быта.

Как всегда, большое место в журнале будут занимать материалы по искусству — творческие портреты молодых авторов Александра Збруева, Владимира Высоцкого, Николая Мерзликина, «галерея шедевров», новые песни и новые моды.

Журнал расскажет об исследованиях тайн природы и скрытых резервов человеческого организма — поиски и предположения, гипотезы и открытия; о могуществе современной техники и дальних страницах путешествничества; о молодом ученом и его месте в преобразующей мир науке XX века.

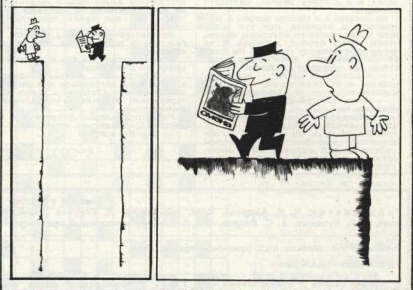
Олимпиадные игры — вот главное событие будущего спортивного года. «Смена» подробно проинформирует своих читателей о подготовке к состязаниям сильнейших спортсменов мира, а специальные корреспонденты журнала передадут подробные репортажи непосредственно с «поля боя».

В каждом номере «Смены» читатель найдет остроинтерное приключенческое или научно-фантастическое произведение, повести и рассказы известных советских и зарубежных писателей.

В будущем году редакция предполагает опубликовать продолжение романа Ю. Селезнева «Майор Вигор», продолжение научно-фантастического романа А. и С. Абрамовых «Всадник ниоткуда», новые повести наших постоянных авторов А. Адамова, О. Горчакова; рассказы Ю. Трифоновой, Л. Жуковичко, Ф. Искандера, Ю. Полухина, Г. Семёнова, Н. Тарасенковой, В. Токваревой; стихи и поэмы популярных советских поэтов Л. Мартынова, А. Момриова, Э. Мажмагитка, В. Федорова, Р. Казаковой, В. Цыбина, О. Чухонцева и других представителей разных поэтических поколений, а также познакомит с новыми именами.

Редакция постарается в 1968 году удовлетворить интересы самого широкого круга своих читателей. Чтобы вы, как и прежде, не сомневались о том, что подписались на наш журнал.

Подписка на «Смену» принимается без ограничений во всех отделениях «Союзпечати». Подписная цена на год — 4 р. 80 к., на полгода — 2 р. 40 к.

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ

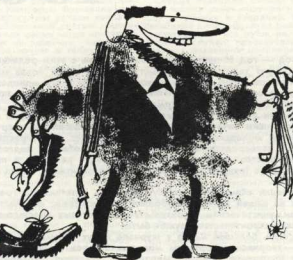

Рисунок Г. НОВОЖИЛОВА

Иду однажды по улице, как вдруг вижу: около какого-то магазина огромная толпа покупателей, люди толкаются, давят друга, одно стекло уже вылетело, кишиня одна утравилась...

— Что тут продают? — спрашиваю кого-то.

— Гудий случай, — объясняет тот, возланив дымом. — Дают польские подтяжки.

— Подтяжки? — удивился я. — И ядром еще польские? Есть из-за чего давнаться!

— Правильно, — заявляет этот гражданин, — это подтяжки экспортные. Отвечают заграничной фирмой из-за маленького дефекта. Вот совсем крошечное пятнышко на этих подтяжках.

— Иначе вас благодарю! — выкрикнул я и бросился в толпу. Начал работать лопаткой, давить, давить, усеши кого-то в шею.

«Что мне там пятнышко! — рассуждал я. — Зато буду иметь экспортные подтяжки... Чего они там привередничают за границей? Пятишкой Мовет, это и хорошо, что они такие привередливые. Благодаря такому капризам я могу купить подтяжки, предназначенные на экспорт!»

Еще рыцарь, в порванной одежде, без путовниц, я покинул магазин с подтяжками в руке. Когда крепко держал их, я был наконец уверен, что стал их обладателем. У меня маленькая мысль, что подтяжки теплые, не жуют, а носят ремень. Но я быстро отругал себя за такие глупые мысли. Может, мне повезет, и я достану ремень, снятый с экспортера!

Не прошел я и тысячи метров с подтяжками в кармане, как тут опять шум возле какого-то магазинчика, кишиня, толпа бурлит, милиция. Я не верил собственному счастью! Ни больше ни меньше — дают туфли, наши туфли, но снятые с экспортера!

— А почему их сняли? — заинтересовался я у продавщицы, когда мне удалось ворваться с магазином.

— Имют иностранцам в поддеме, — отрезала та.

— Я добродушно рассмеялся над этими заграничными капризами.

— Имют! Ну и что из этого? Но ходить-то можно! Так привередничать! Однако сразу подумал: «Эти иностранные капризы мне как раз на руку:

имею экспортные туфли! Пусть привередничают! Стоит им еще сузнуть ватку, чтобы ошлеп привередничать!»

В ресторане я все-таки тихонько снял под столом туфли: они действительно унесло майи.

«Малоч», подумал я, — как-никак все-таки сняты с экспортера. Исключительный случай».

Заказал ветчину.

Когда обманчик принес ее, я почувствовал какой-то странный запах.

Как-то странно пахнет эта ветчина — поделится я с официантом своим надобнейем.

— Это же ветчина идет на экспорт! — возмутился он.

И снята с экспортера из-за этого запада — достался я.

Вот именно, — подтвердил он мое предположение.

«Что там запах, — старался я убедить себя. — Обычные капризы. Ничего насильно не заставляло нюхать!»

Волн в желудке началось в кино. Посматривая польский фильм, отвлеченный за границей из-за такого глупства, что просто смешно: он показывал им как будто чересчур смучный Чересчур смучный. Разве смуча в зрительном зале считается недостатком?

В течение часа я повторил себе, что смотрю экспортерный фильм, однако в конце не выдержал. Может, впрочем, я бы и выдержал, но не мог спать из-за нереальной боли в животе после этой ветчины. У меня даже маленькая мысль, что имеет смысл давать взятку представителям заграничных фирм, чтобы они все брали, невзирая на недостатки.

На минутку я вышел босиком, забыв туфли под иреслом. Я и не стал их искать.

Потом описал все это в рассказе и отнес его в редакцию.

— У меня есть рассказ, — сообщил я. — Написан специально для заграничных. Отвечать «Гудею», а также «Летураторской газетой» из-за маленьких недостатков.

Редактор раскрился обзая и с радостью бросился мне навстречу:

— Давайте скорей!

Перевел с польского В. ШИЛНГОВСКИЙ

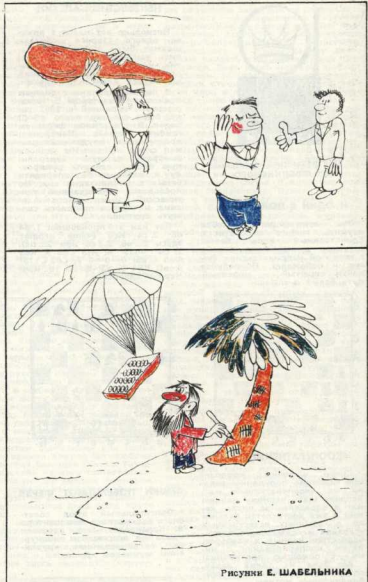

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА

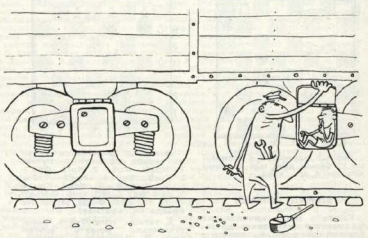

Рисунок Вит. ПЕСКОВА

На верхней странице обложки: Студенты Курского сельскохозяйственного института на строительстве колхозного клуба «Спутник». Фото М. МУРАЗОВА

Фоточерч «Курские «Спутники» см. на стр. 4-7

Главный редактор В. И. САМОХИН.

Редакция: К. К. Андреев, В. Н. Ганчев, А. Д. Голубев [заместитель главного редактора], Е. А. Долматовский, К. Н. Замоскин, Р. Ф. Казакова, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], Е. И. Рабчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник].

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ТЕЛЕФОН РЕДАКЦИИ:

Для справок: Д 3-30-87; отдел: литературы и искусства — Д 1-32-84; очера и публицистики — Д 1-63-51; международной связи — Д 3-31-50; физкультуры и спорта — Д 3-31-60; писем — Д 3-30-47; науки и техники — Д 3-31-16; фоточерча и репортажей — Д 3-30-97; информации — Д 3-31-03; оформления — Д 0-29-39.

Художник-оформитель А. Николаева
Технический редактор Н. Вудкина

А 00178. Подписано и печатно 31/VI 1967 г. Формат бум. 70 x 106,5.
Эсл. печ. л. 5,6. Тираж 1 100 000. Изд. № 1524. Заказ № 2066.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ВСЕ ЕЩЕ ВПЕРЕДИ

С. Лукин

Стихи
Кайсына КУЛИБЕВА

Музыка
Эдуарда КОЛМАНОВСКОГО

Люди, не можем достичь мы предела:
Лучшее слово и лучшее дело —

Все еще впереди,
Все еще впереди!

Самая звучная песня не спета,
Самая лучшая душашка, где ты!

Все еще впереди,
Все еще впереди!

И оттого, что вся жизнь ожиданье,
Сеется хлеб и возродится зданья...

Все еще впереди,
Все еще впереди!

Не оттого ли, что жизнь —
предкушенье,
Созданы лучшие в мире творенья...

Все еще впереди,
Все еще впереди!

Не подводите пока что итога,
Самая светлая наша дорога —

Все еще впереди,
Все еще впереди!

Горе забудется, чудо свершится,
Сбудется то, что пока лишь снится...

Все еще впереди,
Все еще впереди!

Перевод И. ГРЕНБЕВА

К Р О С С В О Р Д

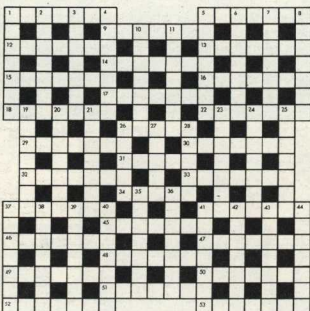
Составил И. АСТАФЬЕВ,
г. Губин, Велгородская обл.

По горизонтали:

1. Город на Ямале. 9. Популярная марка товаров. 12. Пригородная линия гостиница. 13. Денежная единица. 14. Южная часть материка. 15. Город в Ленинградской области. 16. Отблеск далекой звезды. 17. Виртуозная музыкальная пьеса. 18. Столица европейского государства. 22. Народный писатель. 23. Союзная республика. 24. Наградной документ XIX века. 26. Город в Индии. 27. Место остановки для испытаний. 28. Озеро в Южной Швеции. 29. Торжественный смерт войска. 30. Герой повести В. Катаева «80 — сын трудового народа». 32. Верхний одежда оленеводов. 33. Математический знак. 36. Сигнальный духовой инструмент. 37. Дельфин, обитающий в Черном море. 38. Игровой инструмент. 39. Небольшой производственный поселок. 40. Краткая информация в периодической печати. 41. Место остановки на пути сообщения. 42. Персонаж оперы Моцарта «Свадьба Фигаро». 43. Река в Бирме. 44. Город на Украине.

По вертикали:

1. Русский адмирал, герой первой обороны Севастополя. 2. Голландский инструмент. 3. Советская союзная республика. 4. Наградной документ XIX века. 5. Французский писатель XIX века. 6. Примечание автора в пьесе. 7. Столица союзной республики. 8. Река в Северной Америке. 10. Порт в Гвинее. 11. Штат на юге США. 19. Русский писатель XIX века. 20. Город в Индии. 21. Приток Волги. 22. Краткое название для испытаний. 25. Озеро в Южной Швеции. 26. Торжественный смерт войска. 27. Герой повести В. Катаева «80 — сын трудового народа». 28. Верхний одежда оленеводов. 35. Математический знак. 36. Сигнальный духовой инструмент. 37. Дельфин, обитающий в Черном море. 38. Игровой инструмент. 39. Небольшой производственный поселок. 40. Краткая информация в периодической печати. 41. Место остановки на пути сообщения. 42. Персонаж оперы Моцарта «Свадьба Фигаро». 43. Река в Бирме. 44. Город на Украине.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАНЫ В № 15

По горизонтали:

1. Земляничное. 8. «Алмаз». 9. Самара. 10. Пилот. 12. Мисе. 11. Ают. 13. Ассель. 14. Осер. 16. Вассета. 18. Корпус. 19. Индекс. 21. Крот. 23. Инейер. 25. Омар. 26. «Серена». 29. Терер. 30. Инсаров. 31. Арена. 33. Оброт. 35. «Саша». 37. Амур. 39. Ганет. 40. Отгуден. 41. Колыма. 42. Амплигуд.

По вертикали:

1. Калас. 2. Смоленск. 3. Корнет. 4. Эфа. 5. Осло. 6. Пугас. 9. Танти. 10. Мисру. 12. Тоер. 13. «Афридания». 15. Рембрант. 16. Кундичи. 17. Андрей. 18. Кросс. 20. Самур. 24. Трис. 25. Отрот. 27. «Аичи». 29. Ганатте. 30. Томат. 32. Рингун. 34. Ратинг. 36. Айна. 38. Утка.

КОСОВСКИЙ ОРНАМЕНТ

Александр УЗЛЯН

Фото автора

Песня над Карпатами.

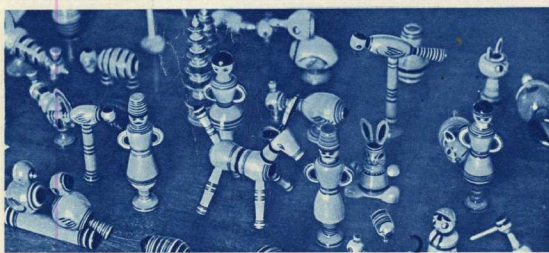
У голцарного круга.

В предгорье Карпат, вдали от железной дороги, расположился маленький городок Косово. В нем насытились, что здешние места славятся неправдоподобными умельцами — резчиками по дереву, мастерами керамики. Сказал таксо, что косовские твички создают удивительные по популярности галасы и твички, используя красочный народный орнамент. В пору цветения и холодных зорей я приехал в Косово. Ходил по горам, знакомился с достопримечательностями. Побывал в селе Яварово, у знаменитого резчика, чья лата висела в гордах.

У меня прохладной комнаты за столиком работала седой человек. Он в яркой безрукавке, на ногах — удобные пасталы. Это народный мастер Юрий Карпанюк. Подоровавшись, я присел рядом. Мастер поворачивал работу. Очевидно, его узловые руны не могли отключиться с того, чем были заняты. Все, что я видел здесь, было поистине прекрасным, дерево огидало на глазах. Привыкнув к полуряду этой тихой комнаты, я рассматривал танцовщице, поющие и грустные деревянные фигурки, живущие своей неповторимой жизнью.

Меня угощали парным молоком и мучным дрожательной пышкой. Завершается разговор о народных ремеслах, и тотчас мне дается совет:

— Будете ввиду, побывайте у хлопцев наших, в училище.

Сувениры, которые всем нравятся.

Яркие узоры Косова.

Народный мастер Юрий Карпанюк.

